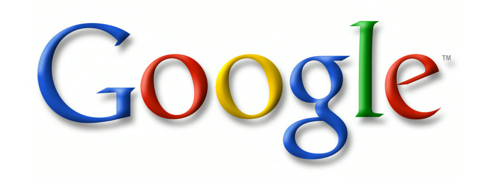
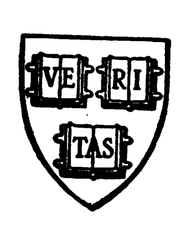
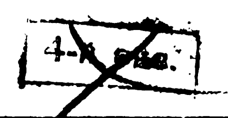

VE
RI
TAS

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

1810. No 5.

МАРТЪ.

Отъ Издателей.

Расположеніе Вѣстника Европы на 1810 годъ по новому плану должно быть слѣдующее:

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Проза: повѣсти, рѣчи, разговоры и проч.

Стихотворенія: оды, басни, пѣсни, посланія, эпиграммы и проч.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

Разсужденія о предметахъ философическихъ, о предметахъ принадлежащихъ къ изящнымъ Искусствамъ и вообще къ Наукамъ.

III. КРИТИКА.

Разборъ книгъ Россійскихъ и иностранныхъ. Критическія разсужденія.

IV. СМѢСЬ.

Анекдоты.

Мысли.

Замѣчанія.

Московскія записки.

Разныя извѣстія, иностранныя и внутреннія.

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Извѣстія о произшествіяхъ политическихъ.

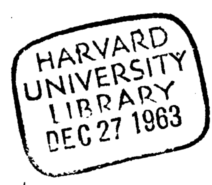
Къ нѣкоторымъ книжкамъ приложены будутъ гравированныя картинки: изображенія замѣчательныхъ видовъ, портреты, планы городовъ и зданій и

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

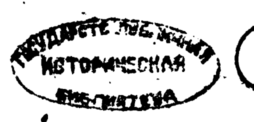
ИЗДАВАЕМЫЙ

М. КАЧЕНОВСКИМЪ и В. ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ L.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1810

Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 5. МАРТЪ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Письмо Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Егора Борисовича Фукса,

(къ Издателямъ Вѣстника Европы.)

Съ чувствительнѣйшею признательностію читалъ я въ Вѣстникѣ вашемъ столь лестную для честолюбія моего статью объ издаваемой мною Исторіи Суворова. Примите, милостивые Государи мои, благодарность моего сердца во всей ея полнотѣ. Я давно съ пламеннымъ желаніемъ стремился, а теперь и сугубо стремиться буду къ тому, чтобы оправдать довѣренность и ожиданія почтеннѣйшей Публики; и для сего не пощажу ни трудовъ, ни ревности къ скорѣйшему окончанію моего Сочиненія. По напечатаніи онаго надѣ-

юсь, что она проститъ мнѣ медленность, произшедшую отъ неполученія еще нѣкоторыхъ бумагъ и гравируемыхъ плановъ: за то вмѣсто обѣщанныхъ трехъ частей будетъ она имѣть четыре: такъ разпространились, въ продолженіе десяти лѣтъ, предѣлы моего повѣствованія. Дѣянія великаго Полководца должны быть преданы потомству съ возможною историческою точностію, со всѣми оттѣнками его характера, со всѣми подробностями: ибо существованіе Государства, которому посвящаетъ онъ свое служеніе, зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ его подвиговъ; предметъ дѣятельности его есть тотъ, чтобы явить человѣческія силы во всемъ величественномъ ихъ могуществѣ; онъ долженъ самъ созидать, образовать, одушевлять и дѣйствовать въ пространной своей сферѣ; могущественный разрушитель и самъ подверженный разрушенію, представляется онъ, какъ нѣкое существо вышняго рода; сила его въ самой борьбѣ съ увеличивающимися сопротивленіями и нещастіями возрастаетъ; а потому и жизнеописаніе его занимательнѣе всѣхъ другихъ. Щастливымъ я себя почту, естьли мнѣ удастся представить Отечеству сего Генія во всемъ его блескѣ и величіи. Геній не есть подражатель — онъ не пріобрѣтается наукою — многочисленные успѣхи доказываютъ его полетъ. Воспламенять душу

всего воинства, давать ей быстроту, которой не останавливают препятствія и самой враждующей Природы: вот отличительныя черты, которыми изумлял он свое столѣтіе. Подвиги его были феномены, непостижимые, даже странные, слѣдственно и сужденія о нем должны быть различны. Он знал слабость своего вѣка; дабы побѣдить, надлежало ему токмо *новостію* мѣр привести непріятеля в замѣшательство; а многочисленности его противопоставлял он непреоборимое превосходство свое в средствах и пособіях. Сколь часто выигрывал он, по изреченію Маршала де Сакса, сраженія *солдатскими ногами!* Так содѣлывал он себя превосходнѣйшим в числѣ, умѣя быть превыше времени. Россійскій воин, видя такой примѣр в обожаемом своем полководцѣ, который умѣл дѣлать все — лишая себя всего — переходил горы, спускался в пропасти, переносил на руках пушки, возил их на своих плечах, преплывал рѣки, дѣлал переходы не человѣческіе, сражался без пищи, словом, производил невозможное. Кто здѣсь не вспомнит с трепетом об ужаснѣйшем переходѣ Алпійских гор нашего Ганнибала?

Повѣствованіе о моем Героѣ-благодѣтелѣ начнется с самаго вступленія его в службу, и будет заключать в себѣ всѣ

прежнія знаменитыя побѣды его въ Турціи и Польшѣ, и всѣ достопамятныя происшествія военной и частной его жизни. Я буду руководствоваться собственными его примѣчаніями и исправленіями ошибокъ, которыя приказывалъ онъ мнѣ записывать, при чтеніи Исторіи его, изданной Антингомъ. Вообще будетъ онъ (сіе долженъ я замѣтить) говорить почти вездѣ въ моемъ сочиненіи самъ съ свойственнымъ ему неподражаемымъ лаконизмомъ. Но на поляхъ Италіи и на Алпійскихъ горахъ имѣлъ я уже щастіе, преисполняющее мѣру всякаго любочестія, быть очевидцемъ его славы. Тамъ въ первый еще разъ явился онъ Главноначальствующимъ двухъ Императорскихъ армій. До того времени долженъ онъ былъ повиноваться Начальнику, раздѣлять съ нимъ тріумфы и права на признательность Отечества. Въ Италіи созидалъ онъ *одинъ* свое щастіе; здѣсь показалъ онъ тѣ воинскіе таланты, ту храбрость и тотъ строгій порядокъ, которые обратили на него вновь удивленіе Европы; здѣсь возложилъ Италійскій самъ на военную славу свою вѣнецъ. Въ сію блистательную эпоху жизни своей, удивлялся я съ непрерывнымъ восторгомъ, какъ сей искуснѣйшій нашего времени Полководецъ умѣлъ истинную тактику свою, долговремянною опытностію пріобрѣтенную, принаравливать къ каждому

оружію, къ каждой націи и къ войску, которымъ начальствовалъ. Онъ имѣлъ всегда предъ собою примѣры знаменитыхъ Военачальниковъ, памятники великихъ ихъ подвиговъ и гибельные слѣды ихъ погрѣшностей; но общаго своего плана никогда не основывалъ на оныхъ, повторяя непрестанно: „Военной наукѣ должно учиться на вой„нѣ. Каждый театръ войны есть театръ „новый." — Вотъ *замѣтка*, которую диктовалъ онъ мнѣ при выступленіи изъ Италіи въ Швейцарію. „Я видѣлъ ужасы Кав„каза; они ни что предъ Алпійскими (*)! „Тѣмъ больше славы. Плодовъ я не ви„жу. — — Русскому испытать должно все! „Нѣтъ земли въ свѣтѣ, которая бы такъ „усѣяна была крѣпостями, какъ Италія; и „нѣтъ опять земли, которая бы по Исто„ріи была такъ часто завоевана. Театръ „войны въ Италіи есть первѣйшее училище „для посвятившаго себя военному искусст„ву. Здѣсь сражались знаменитѣйшіе Полко„водцы, подвиги коихъ лучшіе уроки! — „Сраженія, баталіи, взятія крѣпостей „являли разныя перемѣны въ дѣйствіяхъ „армій. Здѣсь машина и моей тактики бы„ла съ малѣйшими ея пружинами въ дви„женіи. — И я разбилъ при Тидонѣ и Тре„біи Французовъ, гдѣ и Ганнибалъ древнихъ

(*) Смотри приложенный при письмѣ отрывокъ.

„Римлянъ! . . На Альпахъ все не то. Тамъ „должно будетъ взлѣзать или вскарабкиваться на горы въ виду непріятеля, „имѣя его то впереди, то во флангахъ, „то въ тылу. Должно будетъ осаждать громады, Природою укрѣпленныя, не рѣдко „штурмомъ! Армія идетъ гусемъ. — Артиллерійскія и фортификаціонныя правила не нужны, ранжиры невозможны, о „регулярныхъ сраженіяхъ, и баталіяхъ нечего и думать. Это война стрѣлковъ. — „Неутомимость солдата, отважная рѣшимость Офицера! Тамъ будутъ сражаться „всѣ и *дипломатикъ* (*), которому сообразить все сіе для реляцій.“ Въ числѣ всѣхъ диспозицій, помѣщенныхъ въ моей Исторіи, та, которая заключаетъ въ себѣ правила, какъ *дѣйствовать войску на горахъ*, обратитъ безъ сомнѣнія на себя вниманіе каждаго знатока военнаго искусства. Когда Герой нашъ, сей, смѣю назвать, великій Учитель и Наставникъ мой, готовилъ меня къ написанію прокламаціи своей къ Швейцарамъ, то велѣлъ мнѣ написать слѣдующую замѣтку: „Тактика и Дипломатика безъ свѣтильника Исторіи ничто! „Намъ должно вторгнуться въ нѣдра Швейцаріи. Исторія союза Гельветическаго повѣствуетъ намъ чудеса храбрости и побѣдъ.

(*) Это относится ко мнѣ.

„Блескъ славы древнихъ Грековъ давно по„меркъ. Мараѳонское сраженїе ничто! При „Моргартенѣ тысяча триста Швейцаръ „остановили двадцать тысячь Австрїй„цевъ, положили шесть сотъ на мѣстѣ и „прогнали остатокъ. Знаменитая побѣда „шестисотнаго ихъ корпуса при Сембахѣ „возвышаетъ ихъ надъ героями Платец. „Баталїя при Везенѣ, въ кантонѣ Гларисѣ „не равняется съ древнею при Термопилахъ. „Тамъ триста Спартанцевъ противостали „переходу многочисленной Персидской армїи. „Предпрїятїе отважное, сраженїе неравное. „Они всѣ погибли, остановя токмо на ко„роткое время непрїятеля. Здѣсь триста „пятьдесятъ Швейцаръ нападаютъ первые „на Австрїйскую осмитысячную армїю. „Десять разъ были они отбиты, въ один„надцатый разстроили непрїятельскїе ба„талїоны, и обратили ихъ въ постыдное „бѣгство. Такими побѣдами утвердила Гель„веція свою независимость и свою славу. „Намъ надобно выигрывать *сердца* такихъ „Героевъ!" Въ городѣ Александрїи за обѣдомъ, говоря о Юлїѣ Кесарѣ, сказалъ онъ, что превзошелъ его въ быстротѣ, и совѣтовалъ всѣмъ, для удостовѣренїя въ томъ, прочитать его записки. Послѣ, обратясь ко мнѣ, велѣлъ записать слѣдующее: „Ошиб„ки великихъ Полководцевъ поучительны. Я „бы не пошелъ, какъ Принцъ Евгенїй, въ

„Кремонѣ, зная напередъ, что не удержу „ее. Онъ долженъ былъ ее оставить. Нѣтъ „славы! Можетъ быть онъ невиноватъ ... „*Гофкригсратъ* въ Вѣнѣ былъ и тогда ... „Но онъ пріобрѣлъ безсмертіе походомъ „своимъ въ Туринъ, оставивъ за собою въ „тылу Французовъ, и разбивъ Герцога Фель- „яда въ его шанцахъ! Одинъ ударъ очи- „ститъ Италію!!!" ... Равное уваженіе питалъ онъ въ сердцѣ своемъ и къ современнымъ своимъ на ратномъ поприщѣ противникамъ. Потрясенія великихъ государствъ порождали всегда великихъ Мужей, которые блескомъ подвиговъ своихъ обращали на себя удивленіе. Французская революція изобилуетъ такими примѣрами, и можно ее назвать плодородною матерью знаменитыхъ людей. Она произвела Моро, Магдональда, Серюрье, Жуберта, Массену и прочихъ. Краткія біографіи сихъ Генераловъ въ Исторіи моей послужатъ къ возвеличенію славы нашего Героя, и покажутъ ту степень справедливости, которую отдавалъ онъ достоинствамъ каждаго изъ нихъ. Перваго называлъ онъ Генераломъ славныхъ *ретирадъ*. „Онъ меня сѣдаго старичка нѣсколько понимаетъ; но я его больше. Горжусь, что имѣю дѣло съ славнымъ человѣкомъ." — Кто здѣсь не вспомнитъ знаменитое отступленіе Моро за Реинъ въ 1796 году, которымъ прославилъ

онѣ себя столькоже, какѣ другіе побѣдами, по справедливому замѣчанію Сегюра. По разбитіи Ерцѣ-Герцогомѣ Карломѣ Журдана, Моро, безпрестанно преслѣдуемый непріятельскимѣ, гораздо многочисленнѣйшимѣ войскомѣ, отступалѣ цѣлые двадцать семь дней, одерживая надѣ непріятелемѣ разныя побѣды, а особливо при Бибербахѣ, гдѣ отступающее войско, послѣ рѣшительной побѣды, взяло вѣ полонѣ пять тысячь Австрійцевѣ и осьмнадцать пушекѣ. Всѣ сіи выгоды не обезпечили однако еще Французской арміи; надлежало отважиться еще на нѣсколько сраженій, овладѣть дефилеями Шварцѣ-вальда, и, дабы ускользнуть отѣ Австрійцевѣ, отрѣзавшихѣ дорогу кѣ Келю, и пробраться кѣ Фрейбургу, завладѣть штурмомѣ такѣ называемую *Чертову долину*: чрезѣ сію-то долину, или лучше сказать, чрезѣ сей горный, крайне тѣсный проходѣ провелѣ Моро всю армію и показалѣ совершенство военнаго искусства. Вѣ оную никакѣ не могѣ отважиться вѣ 1702 году смѣлый, или дерзкій Вилларѣ. Чрезѣ „сію Чертову долину, отвѣтствовалѣ онѣ „Курфирсту Баварскому, не могу я пройти; ибо, простите мнѣ Ваша Свѣтлость „сіе выраженіе, я не чортѣ!“

Предѣлы письма сего не позволяютѣ мнѣ выписать здѣсь пространнѣе изѣ Исторіи своей какѣ о Моро, такѣ и о про-

чихъ его сподвижникахъ; но съ особенным удовольствїемъ буду я и впредь сообщать въ Вѣстникъ вашъ нѣкоторыя любопытныя статьи (*).

Обращаясь опять къ рѣдкимъ знанїямъ и къ характеру дивнаго нашего Мужа, скажу относительно къ послѣднему смѣло и безпристрастно, что Князь Александръ Васильевичь, всегда возвышался надъ тѣми мѣлкими страстями, которыя порабощаютъ обыкновенныхъ людей. Въ своемъ нещастїй забывалъ онъ неблагодарность за оказанныя имъ услуги, и охотно жертвовалъ своею чувствительностїю Отечеству. Ни кто не слышалъ его роптанїй; онъ даже старался скрывать неправосудїе, ему оказанное. — „*Добро дѣлать спѣшить* „*должно*“, была всегдашняя аксїома его жизни. Пусть скажутъ мнѣ, сдѣлалъ ли онъ кого нещастнымъ? Съ блистательной степени своей славы низшелъ онъ въ простую сельскую свою хижину; но никогда не забывалъ своего Отечества и войска, которому былъ примѣромъ доблести. Тамъ-то,

(*) Издатели примутъ ихъ съ особенною благодарностїю, ручаясь напередъ и за благодарность всѣхъ своихъ Читателей, для которыхъ безъ сомнѣнія чрезвычайно прїятно будетъ бесѣдовать съ сотрудникомъ Суворова. *Изд.*

въ уединенной своей обители, обогащалъ и совершенствовалъ онъ свои великія познанія. Обложась картами и соображая тогдашнія военныя происшествія со многочисленными своими опытами, острилъ нашъ Цинциннатъ копіе свое и подтверждалъ сказанное стихотворцемъ Кастровымъ, *что и самой локой его еще опаснѣе для его враговъ.* — Съ благородною, необыкновеннымъ душамъ свойственною ревностію взиралъ онъ въ дѣятельномъ своемъ бездѣйствіи на развитіе талантовъ на полѣ славы юнаго вождя Бонапарте. Онъ слѣдовалъ за нимъ съ самаго того времени, какъ ввѣренъ былъ ему республикою жребій Италіянской арміи; какъ онъ, послѣ многихъ военныхъ дѣйствій, при Мондови разбилъ совершенно Піемонтцевъ, принудилъ Короля Сардинскаго просить перемирія и отдать въ руки Французовъ крѣпости Тортону и Кони; какъ онъ послѣ преслѣдовалъ Австрійскаго Генерала Боліе до города Лоди, и при упорнѣйшемъ сопротивленіи, подъ ужаснымъ градомъ картечныхъ выстрѣловъ, выгналъ Австрійцевъ изъ сего города, перешедъ мостъ, ими самими сооруженный. Съ подобною быстротою перешелъ онъ Адду и обращалъ Австрійцевъ повсюду въ бѣгство. Павія покоряется побѣдителю; Пиччикетоне и Кремона здаются; Миланская цитадель отво-

ряетъ ворота; Король Сардинскій подписываетъ миръ; Герцоги Пармскій и Моденскій слѣдуютъ его примѣру, а Болїе запирается въ Мантуѣ. Оттуда ведетъ Бонапарте войско свое чрезъ Минчїо и разбиваетъ 25-тысячной корпусъ Австрїйскій подъ начальствомъ Вурмсера при Кастилїонѣ, Лонадо, Сало и Говандо. Вурмсеръ также уходитъ въ Мантую, и спасается тамъ въ ожиданїи пятидесяти тысячь войска подъ начальствомъ Генераловъ Алвинцїя и Давидовича. Французскій Полководецъ поспѣшаетъ имъ на встрѣчу и при деревнѣ Арколѣ даетъ сраженїе упорнѣйшее, гдѣ судьба оружїя, долго колебавшаяся, рѣшилась наконецъ въ пользу Французовъ. Послѣдствїями достопамятнаго дня сего были пять тысячь плѣнныхъ, осмнадцать пушекъ, четыре тысячи убитыхъ и столько же раненыхъ. Также при Риволи, Ангїави, положилъ Австрїйскій Генералъ Провера съ шеститысячнымъ корпусомъ оружїе. Мантуа здалась на капитуляцїю; Венецїя отворила свои ворота, всѣ владѣнїя ея досталися Французамъ; Тирольскія горы заняты были ими же, и древній блескъ Австрїйской Монархїи началъ уже померкать при заключенїи мирныхъ прелиминарныхъ пунктовъ въ Лебенѣ. Австрїя уступила Белгїю, признала Цизалпинскую республику, и отреклась

отъ всѣхъ правъ своихъ на Миланскія владѣнія. Наконецъ заключенъ былъ въ Кампоформіо тотъ извѣстный и для Австрійской Державы толико уничтожительный миръ. Таковое обозрѣніе приводило духъ стараго воина въ уныніе. „Ахъ! пора „унять сего юнаго воина! какъ онъ шагаетъ!" кричалъ онъ непрестанно въ деревенской своей избѣ. — Бонапарте писалъ изъ Египта въ Директорію, чтобы она приняла дѣятельнѣйшія мѣры противу Россіянина, *пожирающаго* всѣ его побѣды. Такъ, подъ отдаленнѣйшими поясами небесными, постигали они другъ друга! — — Его желаніе сразиться съ Наполеономъ было непомѣрно.

Такимъ образомъ, опягченный лаврами, никогда непобѣжденный Герой Римника, гдѣ, по признанію самаго Принца Кобургскаго, былъ онъ его учителемъ и спасителемъ всей Австрійской арміи, побѣдитель Измаила, покоритель Польскаго Королевства, оставался уже недовольнымъ многочисленными своими побѣдами: онъ обращаетъ взоръ на поля Италіи, дабы тамъ славою новыхъ подвиговъ доказать, что называемое простолюдимомъ *щастіе* его есть мудрая расчетливость, знаніе, Геній и отважность; что тактика его есть: ***быстрота, глазомѣръ, натискъ.***

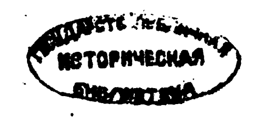
Желанія его, желанія Отечества и всей арміи совершаются. Онъ принимаетъ главное начальство надъ двумя Императорскими арміями; въ исторіи моей представлена будетъ вся политическая картина Европы того времени, заимствованная изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ, изъ депешей, изъ переписки со всѣми союзными Дворами. Вся политика тогдашняя колебалась; унылость въ Австрійскомъ войскѣ возрасла до вышшей степени; побѣдоносной Франціи покорствовали уже Швейцарія, Туринъ, Миланъ, Римъ. Неаполь; отъ подошвы Алпійскихъ горъ до Мессинскаго залива не оставалось уже ни одного законнаго Государя; одно лишь Герцогство Пармское стояло посреди сихъ вновь установленныхъ республикъ. Великому духу Россійскаго Героя надлежало обнять все сіе пространство, и дѣйствовать всѣми своими силами — и черезъ три мѣсяца вся Италія повергается предъ новымъ Побѣдителемъ. —

Будущіе вѣки почтутъ сіе баснословнымъ; но такими событіями ознаменованы послѣдніе годы протекшаго XVIII столѣтія.

Отрывокъ письма отъ Г. Фукса къ одному его другу, писаннаго въ 1799 году 27 Сентября изъ города Куръ, и заключающаго въ себѣ живописное и разительное изображенiе перехода черезъ Алпiйскiя горы.

„Какая картина, любезнѣйшiй другъ, „представляется мнѣ! страхъ и трепетъ „объемлютъ сердце при воззрѣнiи на сiи надъ „тучами и облаками возвышающiяся верши„ны горъ, на которыя должно подыматься. „Каждый шагъ скользитъ; а подъ пятою „вижу неизмѣримыя пропасти. Въ виду „всей *гусемъ тянувшейся* армiи полѣ„тѣлъ одинъ нашъ Офицеръ на лошади „стремглавъ въ сiи преисподнiя пучины. „Каждый заботился токмо о собственномъ „своемъ спасенiи, помощь подать было не„возможно. Казалось, будто всѣ стихiи буй„ствовали, выступивъ изъ предписаннаго „имъ закономъ Природы повиновенiя. Ужа„сные вихри разрушали и низвергали стра„шные камни, паденiе которыхъ раздава„лось громовыми ударами; шумные водопа„ды такъ заглушали воздухъ, что въ пя„ти шагахъ не слышалъ я иногда крича„щаго со всею силою ко мнѣ сопутника, „моего достойнаго друга, Маiора Илью Ильи„ча Раевскаго (*), предостерегавшаго ме-

(*) Теперь Полковникъ въ отставкѣ.

„ня нерѣдко отъ безднъ. Часто искалъ я
„за нимъ слѣдовъ, которые вьюга, скрывавшая
„его отъ моихъ глазъ, мгновенно сметала.
„Иногда въ одинъ день проходили мы всѣ
„климаты и испытывали всѣ возможныя
„погоды; нерѣдко на высотѣ горы, покры-
„той вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ, все вой-
„ско начинало отъ чрезмѣрной стужи
„и вѣтровъ костенѣть; вожатые наши
„трепетали и наконецъ разбѣжались. Пре-
„даннымъ намъ на произволъ судьбы от-
„верзала повсюду зѣвъ свой лютая смерть.
„Умереть долженствовало отъ холоду,
„отъ голоду, отъ паденія громадъ камней,
„отъ ледяныхъ глыбъ, отъ соединенной
„свирѣпости всѣхъ элементовъ. Мысль, кон-
„чить жизнь въ пучинѣ, безъ всякой на-
„дежды къ спасенію, была самая убійствен-
„ная и отчаянная. — То вдругъ предъ нога-
„ми нашими скатывалась снѣжная глыба,
„все войско останавливалось и съ новою
„опасностію надлежало перебираться чрезъ
„оную; то вдругъ, подымаясь или спускаясь съ
„горы, встрѣчали мы водопадъ, котораго
„сильныя брызги и кипящая пѣна обливали
„насъ уже въ дали: инаго средства не бы-
„ло, какъ съ послѣднимъ напряженіемъ
„силъ тонуть въ сихъ водахъ, дабы под-
„няться или вверхъ, или скатиться внизъ.
„Едва преодолѣемъ мы одну гору, какъ
„уже другая является и ужасаетъ; а вос-

„ходить надлежитъ неминуемо. — На краю „пропасти размѣряю и изчисляю я шаги „свои; все окружающее меня увеличиваетъ „мой трепетъ, и я уже въ безднѣ. Тщет„но озираюсь я, дабы дать зрѣнїю моему „отдохновенїе; вездѣ вижу я перемѣну кар„тинъ, но ни одной, гдѣ бы въ нахмурен„ной, злобствующей природѣ выглянула „хотя одна отрадная улыбка. Горизонтъ „надо мною не распространяется. Каждый „солдатъ, отягченный своею ношею и уто„мленный до чрезвычайности, долженъ былъ „еще взлѣзать на каждую гору какъ на „штурмъ. Чудесно и непостижимо, какъ „не истощилось мужество и неутомимость „войска. Одинъ, изнемогшїй подъ тягостїю „всѣхъ сихъ изнуренїй, могъ бы остановить „ходъ всей колонны. Но примѣръ того — „предъ которымъ нѣкогда трепеталъ гор„дый Стамбулъ, который низложилъ Рѣчь„Посполиту, и который теперь съ Альповъ „потрясалъ Гальскїй колоссъ — оживотво„рялъ унылыя ихъ сердца. Суворовъ, посреди „сихъ ужасовъ и посреди своего войска, ѣхалъ „на лошади, едва ноги свои влачившей, въ „синей, обвѣтшалой епанчѣ, которая по„слѣ отца ему досталась и называлась *роди„тельскою*, и въ круглой большой шля„пѣ, взятой у одного капуцина. Слышалъ „онъ иногда ропотъ своихъ воиновъ, отча„янїемъ исторгаемый, и скорбя о нихъ,

„забывалъ самаго себя. *Вперед — съ на-„ми Богъ — Руское войско побѣдоносно — „ура!* сїи слова Героя — и все забыто. — „Ни кто не изсѣкъ на Алпїйскомъ камени „имянъ: Ганнибалъ и Суворовъ; но слава „сего перехода и безъ того пребудетъ „вѣчною.“

Отнынѣ горы ввѣкъ Алпїйски
Пребудутъ Россовъ обелиски!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Мизантрола, Мольеровой Комедїи.

(Дѣйствїе I. Явленїе Iе.)

Крутонъ (Мизантропъ) *и Людмилъ* (его другъ.)

Людмилъ.
Что сдѣлалось съ тобой?
Крутонъ, (*сидя*)
Оставь, оставь меня!
Людмилъ.
Что значитъ этотъ гнѣвъ? Скажи, что сдѣлалъ я?

Крутонъ.

Поди, сударь, поди: ты долженъ стѣнъ стыдиться!

Людмилъ.

Да можно выслушать, притомъ и не сердиться.

Крутонъ.

Сержусь, и такъ хочу; — отъ слушанья уволь.

Людмилъ.

Что страненъ ты, Крутонъ, сказать себѣ позволь;
Хоть мы съ тобой друзья, но столь обычай вздорной. . . .

Крутонъ.

Кто? я твой другъ? Нѣтъ, нѣтъ, избавь; слуга покорной!
Такъ! другомъ вашимъ быть желалъ до сихъ я поръ;
Но, послѣ мерзостей, которыхъ былъ мой взоръ
Свидѣтелемъ, безъ всѣхъ затѣй вамъ обьявляю,
Что дружбу я сердецъ развратныхъ презираю.

Людмилъ.

Я стало виноватъ! но въ чѣмъ? скажи, когда?

Крутонъ.

Поди, тыбъ умереть былъ долженъ отъ стыда:
Поступковъ извинить ни чѣмъ твоихъ не можно,
Стыдиться за тебя всѣмъ честнымъ людямъ должно.
Ты съ кѣмъ-то встрѣтился, и вдругъ, какъ безъ ума,
На шею прыгъ ему — и ласковостей тьма,
И словъ привѣтливыхъ, учтивыхъ предложеній,
И въ дружбѣ клятвенныхъ и шумныхъ увѣреній. . . .

И словомъ: тожъ да тожъ два битые часа! —
Кто онъ? былъ мой вопросъ. — А ты едваль
въ глаза
Его видалъ; едваль, зовутъ какъ, знаешь;
Лишь только врозь — прощай! и дружбу
забываешь.
Что этаго подлѣй, безчестнѣй можетъ быть,
Какъ то, чего въ душѣ совсемъ нѣтъ, говорить?
И естьлибъ это я къ несчастью сдѣлалъ злому,
Ей! ей! повѣсилсябъ тотчасъ — въ примѣръ
другому.

Людмилъ.

За уголовную вину мою не чтя,
Прошу изъ милости, гнѣвъ строгой укротя,
Позволить мнѣ пожить, и хоть изъ сожалѣнья,
Позорнаго меня избавить удавленья.

Крутонъ.

Не кстати шутки здѣсь, оставь ихъ, одолжи.

Людмилъ.

Безъ шутокъ: какъ же намъ вести себя, скажи?
Ты хочешь, чтобъ . . .

Крутонъ.

Хочу, чтобы, гнушаясь лестью,
Языкъ людей съ душой согласенъ былъ и съ
честью.

Людмилъ.

Вѣдь надобножъ, когда въ объятіяхъ насъ жмутъ
И въ дружбѣ честь свою порукою даютъ,
Платить покрайности такою жъ точно сказкой:
За клятву клятвою, за ласку той же лаской.

Крутонъ.

Нѣтъ! видѣть не могу я подлыхъ тѣхъ льсте-
цовъ,
Тѣхъ жалкихъ свѣтскаго обычая рабовъ,

Которы шарканьемъ, поклонами, кривляньемъ,
Протягиваньемъ рукъ, всѣхъ встрѣчныхъ обниманьемъ,
И точно будто залпъ учтивостей открывъ,
Другъ друга обмануть спѣшатъ на перерывъ,
И душатъ лестію, безъ всякаго разбора,
Разумнаго, глупца, и честнаго, и вора.
Скажи, пожалуй, мнѣ, какая прибыль въ томъ,
Что въ дружествѣ тебѣ клянётся льстецъ своёмъ
И до небесъ тебя хвалами возвышаетъ,
Когда онъ первому мерзавцу тожъ читаетъ?
Нѣтъ! честью кто своей хоть мало дорожитъ,
Такія похвалы почтетъ себѣ за стыдъ,
И самъ бы Государь меня обидѣлъ въ этомъ,
Коль въ милостяхъ меня равнялъ бы съ цѣлымъ свѣтомъ.
Почтенье должно намъ заслугами купить;
А чтить весь міръ, есть тожъ, что никого не чтить,
И естьли вы, сударь, сей подлостью гордитесь,
Прошу не гнѣваться, въ друзья мнѣ не годитесь:
Гнушаюся я тѣмъ почтеньемъ безъ границъ,
Котороe у васъ для всѣхъ пригодно лицъ,
И словомъ, тотъ, кто другъ всего земнаго круга,
Не можетъ отъ меня считаемъ быть за друга.

Людмилъ.

Но въ свѣтѣ живучи, хоть радъ, хотя не радъ,
А долженъ наблюдать учтивостей обрядъ.

Крутонъ.

Наказывать, сударь, тѣхъ должно безъ пощады,
Которы дружбою хоть торговать такъ рады.
Нѣтъ! честной человѣкъ кажися тѣмъ, что есть,
Дѣлами, мыслію, чтобъ управляла честь,
А сердце языкомъ, — и чтобъ всѣ наши чувства
Гнушались низостью ласкательна искуства!

Людмилъ.

Похвальна искренность! однако же она
Во многихъ случаяхъ былабъ весьма странна,
И часто — не въ осудъ премудраго столь
мнѣнья —
Не худо и скрывать сердечны помышленья.
Прилично ли, судя о слабостяхъ людскихъ,
Сказать другимъ въ глаза, что думаемъ о нихъ?
Ужель, кого любить и въ правду намъ не можно,
Тому и объявить, что чувствуемъ мы . . .

Крутонъ.

Должно!

Людмилъ.

Такъ можно *Ветхиной* свободно говорить,
Что стыдно въ сорокъ лѣтъ вертушкою ей
быть,
И, бросивши дѣтей, на всѣ таскаться балы?

Крутонъ.

Конечно.

Людмилъ.

Иванову, что *славны* Генералы
Безсовѣстно, какъ онъ, не мучатъ всѣхъ людей
Пустыми баснями о храбрости своей?

Крутонъ.

Да! да!

Людмилъ.

Не шутишь ли?

Крутонъ.

Нимало: будь увѣренъ,
Что въ свѣтѣ никого щадить я не намѣренъ!
Нѣтъ силъ терпѣть, и мнѣ, какъ острый въ
сердце ножъ,
Когда я посмотрю на городъ, на вельможъ,

На всё! — И видѣть льзяль спокойно, безъ печали,
Чтобъ люди такъ съ людьми безбожно поступали?
Повсюду нахожу измѣны, плутни, лесть,
Корыстолюбіе, несправедливость, месть.
О! я бѣшусь!... и хоть зови меня уродомъ,
Я съ человѣческимъ на вѣкъ поссорюсь родомъ.

Людмилъ.

Но философія твоя мрачна, скучна,
И скорбь, столь чудная, по чести, мнѣ смѣшна.
Не прозвалибъ тебя угрюмымъ Гераклитомъ,
Меняжъ, хоть я не що, но въ пару, Демокритомъ.

Крутонъ.

О Боже мой! оставь нелѣпой этотъ вздоръ.

Людмилъ.

Нѣтъ, право не шутя, брось колкой разговоръ.
Вѣдь бранью ты своей свѣтъ цѣлый не исправишь.
Я съ откровенностью, которую такъ славишь,
Скажу, что истинно, со всемъ твоимъ умомъ,
Ты дѣлаешь себя комическимъ лицомъ.
Твой слишкомъ строгій судъ безуміемъ почтется,
И такъ ужъ надъ тобой полгорода смѣется.

Крутонъ.

Тѣмъ лучше, чортъ возми! тѣмъ лучше, очень радъ.
Мнѣ такъ противенъ родъ сихъ развращенья чадъ,
Что ежелибъ меня отъ сердца, добровольно,
Считали мудрецомъ — мнѣ былобъ это больно.

Людмилъ.

Родъ человѣческій весьма тебѣ постылъ.

Крутонъ.

Онъ ненависть къ себѣ мнѣ въ душу поселилъ.

Людмила.

Неужъли смертные всъ, всъ, безъ исключенья,
Достойны твоего быть могутъ омерзенья? —
Не льзяли отличить, по крайности, хоть тъхъ . . .

Крутонъ.

Нътъ, нътъ, я вообще возненавидълъ всъхъ!
Однихъ, сударь, за то, что подлы, хитры, злобны;
Другихъ за то, что злымъ потворствовать способны,
И въ мертвыхъ ихъ душахъ вражды съ порокомъ нътъ,
Вражды, которая къ добру есть върный слъдъ.
По ворѣ потакать готовы какъ по братѣ.
Тому примѣромъ плутъ, съ кѣмъ я сужусь въ палатѣ.
Сквозь всѣ притворства въ немъ видна измѣна, лесть;
Вездѣ извѣстенъ онъ такимъ, каковъ онъ есть;
Его смиренной взоръ, тьма ласковостей внѣшнихъ
Лишь могутъ обмануть пріѣзжихъ, а не здѣшнихъ;
Всѣ знаютъ, что подлецъ — чтобъ взялъ его построѣлъ! —
Чрезъ мерзкія дѣла въ чины войти умѣлъ,
Что почести его, которымъ свѣтъ свидѣтель,
Достоинствамъ упрёкъ, въ стыдъ вводятъ добродѣтель.
Ругай его, скажи о нёмъ, Богъ знаетъ что:
Согласенъ всякой въ томъ, не вступится никто —
И всѣ, всѣ подлеца охотно принимаютъ,
Ласкаютъ, шутятъ съ нимъ, какъ угостить не знаютъ.

Да что еще! честныхъ предъ сотнею людей
И въ службѣ мѣста плутъ добьется поскорѣй.
Взбѣситься надобно! Меня съ ума то сводитъ,
Когда я вижу, какъ порокамъ свѣтъ снисходитъ,
И часто, чтобъ людей и тѣни не встрѣчать,
Съ досады я готовъ въ пустыню убѣжать.

Людмилъ.

Эхъ, Боже мой! оставь свой гнѣвъ на нравы вѣка;
И можно ли судить такъ строго человѣка?
Онъ съ слабостьми рожденъ: вотъ для чего должны
Мы снисходительно прощать его вины.
Лишь мудрость кроткая для общества пригодна,
А строгость лишняя скучна, да и безплодна.
Разсудокъ крайностей насъ учитъ избѣгать,
И даже въ мудрости средину наблюдать.
Суровы правила лѣтъ древнихъ какъ ни честны,
Но съ нравами въ нашъ вѣкъ никакъ ужъ несовмѣстны.
Столь много совершенствъ имѣть возможноль намъ?
Что дѣлать! уступить должны мы временамъ.
Повѣрь: заботиться о исправленьи свѣта,
Безумства крайняго неложная примѣта.
Я также, какъ и ты, вещей встрѣчаю тьму,
Которыбъ лучше шли по здравому уму;
Я много кой-чего на каждомъ шагѣ вижу;
Но смертныхъ, такъ какъ ты, за то не ненавижу.
Съ людьми — такъ какъ съ людьми — я просто обхожусь:
Смотрѣть съ холодностью на ихъ дѣла учусь,
И сколь умѣренъ я, ты столько крутонравенъ,
Такъ философіей съ тобой, Крутонъ, я равенъ.

Крутонъ.

Но естьли, господинъ холодный философъ!
Твой ближній другъ тебѣ устроитъ хитрый ковъ,

Или, чтобъ завладѣть твоимъ подъ часъ имѣньемъ,
Безбожно покривишъ душой и уложеньемъ,
Иль злыя о тебѣ въ свѣтъ пуститъ клеветы —
Желаю знать, сударь, тогда что скажешь ты?

Людмилъ.

Такъ точно, какъ теперь, оставя гнѣвъ безплодный,
Скажу, что слабости къ несчастью людямъ сродны,
И видя хитрости, коварство, злость людей,
Не больше для души прискорбно то моей,
Какъ если ястребовъ я вижу кровожадныхъ,
Злыхъ обезьянъ, волковъ, въ свирѣпости нещадныхъ.

Крутонъ.

Я! грабить дамъ себя, обманывать, терзать?
Какъ, чортъ возми! чтобъ я... но лучше замолчать,
Чѣмъ слушать ваши мнѣ несносныя сужденья.

Людмилъ.

Не худо помолчать, чтобъ большаго гоненья
Съ противной стороны сей бранью не навлечь;
Ты самъ противъ себя острить злодѣевъ мечь.
Озлобить ихъ, Крутонъ, повѣрь, остерегайся;
А лучше о своемъ ты дѣлѣ постарайся.

Крутонъ.

Я ужъ сказалъ, что тѣмъ не посрамлю себя.

Людмилъ.

Да ктожъ ходатаемъ тамъ будетъ за тебя?

Крутонъ.

Какъ, кто? А здравый умъ, законы, справедливость?

Людмилъ.

Но съѣздить, попросить, ужъ требуетъ учтивость.

Крутонъ.

Просить! о чемъ, сударь? да развѣ я неправъ?

Людмилъ.

Пусть такъ! но въ обществѣ такой уже уставъ. . . .

Крутонъ.

Хоть такъ, или не такъ, но я, не прогнѣвися!
Ни шагу не ступлю!

Людмилъ.

Смотри, остерегися.

Крутонъ.

Ни съ мѣста!

Людмилъ.

Но судьи всѣ, всѣ на сторонѣ
Злодѣя твоего.

Крутонъ.

Какая нужда мнѣ!

Людмилъ.

Эй! будешь сожалѣть.

Крутонъ.

Пусть такъ — конца дождуся.

Людмилъ.

Рѣшатъ во вредъ . . .

Крутонъ.

Ну чтожъ! я тѣмъ повеселюся.

Людмилъ.

Однако же . . .

Крутонъ.

Тогда узнаю я вѣрнѣй,
На сколько станетъ ли безстыдства у людей,

И будутъ ли они такъ злы и такъ безбожны,
Чтобъ дѣлу правому дать толкъ безстыдно-
ложный.

Людмилъ.

Престранной человѣкъ!

Крутонъ.

Пускай лишусь всего,
Для чести нашихъ дней, желаю я сего!

Людмилъ.

Ей, ей! такимъ рѣчамъ, неслыханнымъ доселѣ,
Смѣяться станутъ всѣ, смѣяться въ самомъ
дѣлѣ.

Крутонъ.

Пусть забавляются, тѣмъ хуже то для нихъ.

Людмилъ.

Но эту правоту, всѣхъ мыслей цѣль твоихъ,
То добродушіе, котораго нѣтъ въ свѣтѣ,
Находишь ли, Крутонъ, любви твоей въ пред-
метѣ?
И отъ чего, скажи, толь странной оборотъ,
Что, человѣческой весь ненавидя родъ,
Ты въ немъ лишь то нашелъ — забылъ свою
съ нимъ ссору —
Что сильно твоему понравилось здѣсь взору?
А болѣе всего умъ удивляетъ мой,
Признательно скажу, столь чудный выборъ
твой!
Милена скромная склонна къ тебѣ душою;
Смиренница Княжна любуется тобою;
А ты къ обѣимъ къ нимъ такъ холоденъ какъ
лёдъ!
И кто же надъ тобой власть полную берётъ?
Прелестина — живётъ которая по модѣ;
У коей вѣтреность, какъ кажется, въ природѣ;

Чей умъ лишь славенъ тѣмъ, что весь дурачитъ свѣтъ,
Которой вѣрно здѣсь въ кокетствѣ равной нѣтъ.
Или пороками того въ ней не считаешь?
Или не видишь ихъ? иль видя извиняешь?

Крутонъ.

Въ прелестную вдову хоть страстно я влюбленъ,
Но вѣрь, Людмилъ, что я не такъ ужъ ослѣпленъ,
Чтобъ не видать ея пороковъ — я ихъ знаю,
Я первой вижу ихъ и первой осуждаю;
Однакожъ признаюсь, что не смотря на то,
Не можетъ побѣдить любви моей ничто;
Я часто и бранюсь: но взглянетъ лишь умильно,
Волшебной прелестью влечетъ къ себѣ насильно!
Я льщусь — что, силою любви, супружнихъ правъ,
Удастся мнѣ совсемъ ея изправить нравъ.

Людмилъ.

Дай Богъ! Крутонъ, дай Богъ! Порадуюсь сердечно:
Да полно любитъ ли она тебя?

Крутонъ.

Конечно;
Въ противномъ случаѣ я самъ бы не любилъ.

Людмилъ.

Когдажъ увѣренъ такъ, что ей ты столько милъ,
За чѣмъ же ко всему ее ревнуешь свѣту?

Крутонъ.

Душой привязанъ кто къ прелестному предмету,
Желаетъ тотъ вполнѣ одинъ имъ и владѣть.
Я съ тѣмъ пришелъ, чтобъ здѣсь свиданіе имѣть,
И съ нею наконецъ, какъ должно, изъясниться.

Людмила.

Когдабъ по выбору я могъ какъ ты жениться,
Сестра ея былабъ мной всѣмъ предпочтена.
Милена такъ добра, прелестна и скромна!
Женясь на ней, Крутонъ, ты сдѣлалъ бы пре-
красно.

Крутонъ.

Разсудокъ то же мой твердитъ мнѣ повсечасно;
Но видно, что любви сильнѣй надъ нами власть.

Людмилъ.

Признаться, я боюсь, чтобъ чудная толь
страсть,
Твоею овладѣвъ чувствительной душою,
Несчастья твоего не сдѣлалась виною.

. . . .

Ѳедоръ Кокошкинъ.

Хлоѣ сочинительницѣ.

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ и не спорю;
Да къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Б.

Къ * * *

При отъѣздѣ его въ армію.

Веселаго пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю!
Отринь покой — лети
За Рускими орлами!
Но въ полѣ; подъ шатрами,
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Гдѣ ждетъ тебя, уныла,
Твой другъ, твоя Людмила,
Хранитель - ангелъ твой!
Съ крылатою мечтой
Проникни сокровенно
Въ чертогъ уединенной
Гдѣ, съ вѣрною тоской,
Съ пылающей душой,
Она, одна, вздыхаетъ,
И Промыслъ умоляетъ:
Да будетъ Твой покровъ
Въ обители враговъ! —
Смотри, какъ томны очи,
Какъ видъ ея унылъ;
Ей бѣлый свѣтъ постылъ;
Одна, во мракѣ ночи,
Сокрылась въ теремъ свой;
Лампаду зажигаетъ,
Письмо твое читаетъ,
И робкою рукой
Отвѣтъ ко другу пишетъ,
Гдѣ въ каждомъ словѣ дышетъ
Души ея печаль! —
Лети въ безвѣстну даль!
Твой Геній надъ тобою!

Среди опасна бою
Его незримый щитъ
Тебя пріосѣнитъ —
И мимо пролетитъ
Стрѣла ужасной Гелы.
Ахъ! скоро ль твой веселый
Возвратъ утѣшитъ вновь
И дружбу и любовь?

Для скорьби утоленья
Податель благъ, Зевесъ,
Двумъ жителямъ небесъ
Минуты разлученья
Повѣрилъ искони.
„Да будутъ — рекъ — они:
„Одинъ посолъ разлуки,
„Свиданія другой!"
И въ часъ сердечной муки,
Когда, рука съ рукой,
Въ тоскѣ безмолвной, други,
Любовники, супруги,
Съ послѣднею слезой,
Въ послѣднемъ лобызаньѣ,
Послѣднее прощанье
Другъ другу отдаютъ,
Мольбы изъ сердца льютъ,
И тихими стопами,
Съ поникшими главами,
Въ душѣ скрывая стонъ,
Идутъ, осиротѣлы,
Въ свой теремъ опустѣлый.
Сынъ Дія Абеонъ (*),

(*) Абеонъ и Адеонъ два Греческія божества; одинъ присутствовалъ при разлукѣ, другой при свиданіи.

Задумчивый, безкрылой,
Съ улыбкою унылой,
Съ отрадой скорбныхъ слезъ
Спускается съ небесъ,
Ведомый Адеономъ,
Который тихимъ звономъ
Волшебныхъ струнъ своихъ
Льетъ въ сердце упованье
На близкое свиданье! ...

Я вижу обоихъ:
Одинъ съ своей тоскою
И тихою слезою;
Съ надеждою другой! ...
Прости; мой другъ нелестной!
На долголь — неизвѣстно;
Но вѣрую душой —
И вѣра не обманетъ —
Желанный день настанетъ:
Мы свидимся съ тобой! ..

Или ... Увы! незримо
Грядущее для насъ ...
Быть можетъ, въ оный часъ,
Когда ты, невредимо
Свершивъ опасный путь,
Свободою вздохнуть
Придешь въ сѣни родимой
Съ Людмилою своей,
Ты спросишь у друзей:
Гдѣ скрылся другъ любимой?
И чтожь тебѣ въ отвѣтъ?
„Его ужь въ мірѣ нѣтъ!“ ...
Такъ, если въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня возметъ могила,
И участь присудила,
Чтобъ первый я изчезъ

Изъ милаго мнѣ круга —
Друзья, безъ скорбныхъ слезъ,
На прахъ взирайте друга! . . .
Гдѣ свѣтлою струей
Плескаетъ въ брегъ зеленый
Извивистый ручей;
Гдѣ сѣнистые клены,
Сплетаютъ изъ вѣтвей
Покровъ гостепріимный,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ;
Туда — лишь надъ холмомъ
Луна, сквозь облакъ дымный,
При вечерѣ блеснетъ,
И липа разольетъ
Окрестъ благоуханье —
Сберитесь, о друзья,
Въ мое воспоминанье!
Надъ вами буду я,
Древесъ подъ зыбкой сѣнью,
Невидимою тѣнью
Летать рука съ рукой
Съ утраченнымъ Филономъ!
Тогда вамъ тихимъ звономъ
Покинутая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣститъ
Изъ таинственна міра,
И тихо пролетитъ
Задумчивость надъ вами;
Увидите сердцами,
Въ незнаемой дали,
Отечество желанно,
Пріютъ обѣтованной
Для странниковъ земли.

Ж.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

ЭСТЕТИКА.

О достоинствѣ древнихъ и новыхъ писателей.

Сильные споры происходили всегда о томъ, кто выше, древніе или новые. Во Францїи съ чрезвычайнымъ жаромъ занимались разрѣшенїемъ этой задачи. Буало и гжа. Дасье доказывали превосходство первыхъ; Перро и ла Моттъ защищали послѣднихъ. Ученые по сїе время не согласны въ своихъ мнѣнїяхъ о семъ предметѣ, можетъ быть потому, что весьма трудно опредѣлить существенныя правила, которыми можно было бы руководствоваться для разрѣшенїя сего долговременнаго спора.

Тщетно, безъ сомнѣнїя, было бы хотѣть унизить древнихъ классическихъ Писателей: слава ихъ незыблема. Съ другой стороны неоспоримо также и то, что въ ихъ сочиненїяхъ находятся многїе недостатки. Но одна лишь глупая ненависть

или предубѣжденіе могутъ вдохнуть безразсудное желаніе унизить ихъ творенія *вообще*. Похвала народовъ, которые въ теченіи столь многихъ вѣковъ единодушно имъ удивлялись, есть приговоръ безпристрастный, противъ котораго возставать безполезно.

Свѣтъ всегда заблуждался, и вѣчно будетъ заблуждаться въ лабиринтѣ умствованій. Различныя философическія системы, подобно тѣмъ насѣкомымъ, которыя, родившись по утру, оканчиваютъ существованіе свое въ вечеру того же дня, появлялись и потомъ уступали мѣсто свое другимъ системамъ. Но понятія вкуса не подвержены такому непостоянству, потому что существеннымъ основаніемъ ихъ служитъ не умозрѣніе и познанія, но чувство, всегда неизмѣнное: общее чувство людей всегда справедливо, и Гомеръ и Виргилій вѣчно будутъ стоять на той высокой степени, которую они занимали до сего времени.

Весьма непростительно имѣть къ древнимъ слѣпое благоговѣніе, и мы, для того, чтобы опредѣлить истинное ихъ достоинство, постараемся сдѣлать между ими и новѣйшими сравненіе безпристрастное. Есть-ли древніе имѣли превосходнѣйшій Геній.

то новѣйшїе, можетъ быть, превзошли ихъ въ тѣхъ искусствахъ, которыя могутъ усовершенствованы быть постепенно.

Такимъ образомъ несомнительно можно сказать, что въ Натуральной Исторїи, въ Астрономїи, въ Физикѣ, въ Химїи и нѣкоторыхъ другихъ наукахъ новые имѣютъ неоспоримое превосходство предъ древними. Можетъ быть философы нынѣшнихъ временъ имѣютъ даже слишкомъ великое преимущество предъ мудрецами древнихъ вѣковъ въ точности умствованїй, потому что умножившїяся сношенїя между народами, облегчивъ способы къ разпространенiю наукъ и вмѣстѣ къ взаимному сообщенїю открытїй, чрезвычайно много вспомоществовали утонченїю человѣческихъ способностей. Можетъ быть даже, новѣйшїе сдѣлали болѣе успѣховъ въ Исторїи, потому что разпространенїе предѣловъ торговли, открытїе различныхъ земель, большая удобность въ сношенїяхъ и множество разнообразныхъ произшествїй и переворотовъ, случившихся на земномъ шарѣ, безъ сомнѣнїя возвели политическїя науки на высшую степень совершенства, нежели на какой находились они у древнихъ. Поэзїя равнымъ образомъ нѣсколько усовершенствована, то есть болѣе имѣетъ правильности и точности. Въ драммагичес-

комъ искусствѣ сдѣланы нѣкоторые успѣхи. Напримѣръ, въ произведенiяхъ нынѣшнихъ трагиковъ и комическихъ писателей находимъ болѣе разнообразiя въ характерахъ, искуснѣйшiя завязки, больше вѣроятности въ ходѣ и больше разборчивости въ наблюденiи приличiя. Древнiе отличались силою воображенiя, большею оригинальностiю и простотою; въ новѣйшихъ напротивъ видно болѣе искусства и правильности, но менѣе силы и разительности Генiя. При семъ замѣтимъ, что хотя правило сiе вообще можно признать справедливымъ, но есть нѣкоторыя изъ онаго изключенiя. Мильтонъ и Шекспиръ безъ сомнѣнiя не уступаютъ ни одному Поэту, ни древнему ни новому.

Многiя особенныя обстоятельства благопрiятствовали успѣхамъ древнихъ: они часто предпринимали дальнiя путешествiя для усовершенствованiя себя въ наукахъ и для бесѣдованiя съ Философами. Возвращаясь въ свое отечество, они приносили съ собою богатый запасъ открытiй и новыхъ познанiй, прiобрѣтенныхъ ими въ странахъ, черезъ которыя проходили. Всякая новость, всякая необыкновенная вещь могла воспламенить въ нихъ энтузiазмъ чрезвычайный; и какъ не много находилось такихъ, которые искали бы отличить себя званiемъ писателя, то по сему

и слава; которою пользовалось сїе малое число, была отмѣнно лестною. Въ новѣйшїя времена не такъ уважаютъ уже дарованїе и искусство Писателя. Всякой, кто сколько нибудь умѣетъ марать бумагу, смѣло присвоиваетъ себѣ оныя. Печатанїе умножило книги до такого безмѣрнаго количества, что способы ученїя сдѣлались весьма обыкновенными и легкими, отъ чего и самый Генїй сошелъ на степень посредственности. Щастливое преимущество достигать высокаго совершенства и отдѣляться отъ толпы обыкновенныхъ людей, предоставлено весьма немногимъ.

Что касается до Эпической поэзїи, то въ оной Гомеръ и Виргилїй по сїе время остаются единственными и неподражаемыми образцами; наши времена не произвели также ни одного Оратора, котораго можнобъ было сравнить съ Демосѳеномъ и Цицерономъ. Между новѣйшими историческими повѣствованїями нѣтъ ни одного, которое отличалось бы такою прїятностїю и живостїю описанїя, какое находимъ мы въ творенїяхъ Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Тита-Ливїя, Тацита и Саллюстїя. Равнымъ образомъ наша Драмма, не смотря на всѣ сдѣланныя въ ней усовершенствованїя, должна уступить въ поэзїи и чувствованїяхъ Софокловой и Эврипидовой.

Нынѣшній комическій разговорЪ не имѣетЪ той пріятной простоты, какую имѣетЪ онЪ у Теренція. Новѣйшія времена не могутЪ также противупоставить ни одного Поэта Тибуллу, Ѳеокриту, Горацію. Слѣдственно тѣ, которые хотѣли бы усовершенствовать свой вкусЪ и доставить хорошую пищу своему Генію, должны сЪ прилѣжаніемЪ заниматься древними классическими Писателями, какЪ Греческими, такЪ и Римскими.

Съ Англ. Алекс. Лазаревъ.

III. КРИТИКА.

Критическій разборъ Кантемировыхъ Сатиръ.

Мы имѣемЪ вЪ Кантемирѣ нашего Ювенала и Горація. Сатиры его чрезвычайно пріятны, не смотря на то, что онѣ писаны *слогами*, также какЪ и псальмы Симеона Полоцкаго и почти всѣ старинныя Рускія пѣсни, и что языкЪ стихотворца уже

нѣсколько устарѣлъ: въ нихъ видѣнъ не только остроумный Философъ, знающій человѣческое сердце и свѣтъ, но вмѣстѣ и Стихотворецъ искусный, умѣющій владѣть языкомъ своимъ; и живописецъ, вѣрно изображающій для нашего воображенія тѣ предметы, которые самаго его поражали.

Кантемиръ оставилъ намъ восемь Сатиръ. Мы выпишемъ для нашихъ читателей *всю* первую, одну изъ лучшихъ, въ которой Стихотворецъ нападаетъ на глупыхъ или пристрастныхъ невѣждъ, порицающихъ ученіе. Разобравъ ее критически, получимъ достаточное понятіе о духѣ и стихотворномъ искусствѣ Сатирика. Изъ слѣдующихъ Сатиръ его предложимъ нѣкоторые лучшіе отрывки, и потомъ, сравнивъ Поэта съ нѣкоторыми иностранными Сатириками, которымъ онъ иногда подражалъ, но подражалъ какъ Писатель оригинальный, постараемся опредѣлить свое мнѣніе о превосходствѣ разбираемаго нами Поэта.

Сатирикъ обращается къ уму своему. Надобно замѣтить, что предлагаемая здѣсь Сатира написана имъ на двадцатомъ году:

Умъ недозрѣлый, плодъ не долгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити,
Можно и славу достать, хоть творцемъ не слыти.

Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.

Правда, въ нашемъ молодомъ Монархѣ! (*) надежда
Всходитъ Музамъ не мала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ; чтяща свою свиту
Видѣлъ его самаго, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзско осуждаютъ.

„Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше врётъ, кому далось больше разумѣти;
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ —
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
„Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны

(*) Петръ II.

Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церькви соблазну, Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли доброй нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, кто мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали."

Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
„Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежь сего, не зная Латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должноль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать перемѣну
Иль причину: глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могуль чрезъ то узнать, что прикащикъ,

Что дворецкой крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ, какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди:
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе — все то голы враки:
Главаль болитъ? тому врачь ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять хощешь: слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; естьли спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ неспать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнцель движется, или мы съ землёю:
Въ часовникѣ можно честь на всякой день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копеекъ въ рублѣ, безъ Алгебры счислимъ."
Сильванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, а расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,

Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.

Румяный трожды рыгнувъ Лука подпѣваетъ:
„Наука содружества людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино, даръ божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой брозды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примутся за книгу."
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;

Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
Предъ Егоромъ (*) двухъ денегъ Виргилій не
стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколькожъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмелю.

Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа и такимъ подобны
Науку должны хулить; да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ томужъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ, иль правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полноль того? Райскихъ вратъ ключари святые,
И имъ же Өемисъ вѣски ввѣрила златые,

(*) *Егоръ* славный сапожникъ въ Москвѣ, умершій въ 1729; а *Рексъ* также славный Московскій портной, Нѣмецъ.

Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну прикрасу.
Епископомъ хощешь быть? Уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ
злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели вести предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и
лѣву;
Долженъ Архипастыремъ всякъ тя въ сихъ
познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нее пользы Церкви бу-
детъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ Церкви
права
Лучшія основаны, и вся ея слава.
Хочешь ли Судьею стать? Вздѣнь парикъ съ
узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Естьлижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански
уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы:
Плюнь ему въ рожу; скажи, что врётъ околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златый вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство мудрость одо-
лѣло;

Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты:
Тому ужъ и въ самые молодые лѣты
Всякая высша степень мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ! кричитъ безмозглой церковникъ;
Еще не Епископомъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и Посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Винъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло на бѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой щитаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.

Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя:
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь достать хулу злую.

Эта Сатира была написана противъ тѣхъ, которые своею привязанностію къ стариннымъ предразсудкамъ противились распространенію наукъ, введенныхъ въ предѣлы Россіи ПЕТРОМЪ Великимъ. Сатирикъ, имѣя въ предметѣ осмѣять безразсудныхъ хулителей просвѣщенія, вмѣсто того, чтобы доказывать намъ логически пользу его, притворно беретъ сторону глупцовъ и невѣждъ, объявившихъ ему войну, выводитъ ихъ на сцену, и каждаго заставляетъ говорить языкомъ, приличнымъ его характеру. Такимъ искуснымъ расположеніемъ Стихотворецъ избавилъ себя отъ сухости и однообразія. Мы видимъ нѣсколько забавныхъ чудаковъ, которые нелѣпыми разсужденіями своими еще болѣе привязываютъ насъ къ тому предмету, который хотятъ унизить и обезобразить въ глазахъ нашихъ.

Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.

. . . .

Дѣти наши, что предъ тѣмъ, тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ Церкви соблазну, Библію честь стали.
- - - - - - - - - - - - - - - - -
Потеряли добрый нравъ, забыли пить ква-
су, *и пр.*

говоритъ ханжа *Критонъ*, для котораго читать Библїю, или хотѣть понимать то, что слушаешь въ церкви, значитъ быть безбожнымъ, а не пить квасу, по примѣру прадѣдовъ, значитъ быть развратнымъ. Ктожъ не повѣритъ *Критону*? И какъ не согласиться съ корыстолюбивымъ богачемъ *Сильваномъ*, который увѣряетъ насъ, что

Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ
стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни,
иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могуль чрезъ то узнать, что
прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ приба-
вить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго
заводу?
- - - - - - - - - - - - - - - - -
Травъ, болѣзней знаніе — все то голы враки;
Главаль болитъ? тому врачь ищетъ въ рукѣ
знаки.
- - - - - - - - - - - - - - - - -
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,

Лучшій сокЪ изЪ нашего мѣшка вЪ его входитЪ.

СтихЪ:

Глава ль болитЪ? тому врачь идетЪ вЪ руки знаки!

очень забавенЪ. Заключеніе:

Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме; не скучай, вЪ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто вЪ тихомЪ своемЪ углу молчаливЪ таится.
Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, вЪ себѣ разсуждая
Пользу наукЪ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалЪ, что ты ждешь, достать хулу злую.

удовлетворительно для друзей просвѣщенія. СтихотворецЪ не сказалЪ ни слова вЪ пользу наукЪ; но онЪ выставилЪ безумство ихЪ порицателей, и всякой повторитЪ за нимЪ сЪ сердечнымЪ убѣжденіемЪ:

Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто вЪ тихомЪ своемЪ углу молчаливЪ таится.

Сатиры Кантемировы можно раздѣлить на два класса: на *философическія* и *живописныя*; вЪ однихЪ, и именно вЪ VI, VII, СатирикЪ представляется намЪ ФилософомЪ моралистомЪ; а вЪ другихЪ (I, II, III, V) искуснымЪ живописцемЪ людей порочныхЪ. Мысли свои, почерпнутыя изЪ общежитія, выражаетЪ онЪ сильно и кратко, и почти

всегда оживляетъ ихъ или картинами, или сравненіями; всѣ характеры его изображены рѣзкою кистію; иногда, можетъ быть, замѣчаешь въ его изображеніяхъ и описаніяхъ излишнее обиліе. Формы его весьма разнообразны: онъ или разсуждаетъ самъ, или выводитъ на сцену актеровъ, или забавляетъ насъ вымысломъ, или пишетъ посланіе. По своему *языку* и *стопосложенію* Кантемиръ долженъ быть причисленъ къ Стихотворцамъ стариннымъ; но по *искусству* принадлежитъ онъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ. Читая Сатиры его, видишь передъ собою ученика Гораціевъ и Ювеналовъ, знакомаго со всѣми правилами стихотворства, со всѣми превосходными образцами древней и новой Поэзіи. Онъ никогда не отдаляется отъ матеріи, никогда не употребляетъ четырехъ словъ, какъ скоро можетъ выразиться тремя; онъ чувствителенъ къ гармоніи стихотворной; онъ знаетъ, что всякое выраженіе заимствуетъ силу свою отъ того мѣста, на которомъ оно поставлено; его украшенія всѣ *необходимы:* онъ употребляетъ ихъ не для пустаго блеска, а для того, чтобы усилить или обьяснить свою мысль. Въ слогѣ его болѣе силы, нежели колкости; онъ не смѣется, не хочетъ забавлять, но чертами разительными изображаетъ смѣшное, и колетъ иногда неожи-

данно, мимоходомъ. На примѣръ, пьяница Лука говоритъ:

Какъ скоро по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ;
Когда будутъ течь ко ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу:
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Здѣсь Стихотворецъ, какъ будто безъ намѣренія, кольнулъ невоздержныхъ монаховъ: невозможность питаться одною вязигою въ великой постъ наименовалъ онъ послѣ невозможности возвратить минувшіе вѣки. Такое сближеніе очень забавно.

Мы предложимъ нашимъ читателямъ нѣсколько примѣровъ изъ слѣдующихъ Сатиръ, чтобы дать имъ яснѣйшее понятіе о искусствѣ Кантемира въ выраженіи *мыслей*, въ *описаніяхъ* и *сравненіяхъ* стихотворныхъ, въ изображеніи *характеровъ*.

Вотъ заключеніе пятой Сатиры. Стихотворецъ уступилъ свою ролю лѣсному Сатиру, одѣтому въ модное платье и присланному отъ бога Пана въ городъ для того, чтобы наглядѣвшись на людей и воз-

вратившись въ лѣсъ, забавлять его въ скучные часы разсказами о ихъ дурачествахъ. Сатиръ, описавши Перїергу нѣкоторую часть того, что видѣлъ и слышалъ между людьми, заключаетъ:

Нещастныхъ страстей рабы отъ дѣтства до гроба!
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба,
Съ самолюбїемъ вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ:
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
То грусно быть одному, то люди скучаютъ;
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сїе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто; и что паче дивно,
Вдругъ одно желанїе другому противно.
Малый въ лѣто муравей потѣетъ, томится,
Зерно за зерномъ таща, и наполнять тщится
Свой амбаръ; когда же мїръ уныватъ безплоденъ
Мразами начнетъ, съ гнѣзда станетъ неисходенъ,
Въ зиму наслаждаяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.
А вы, что мнитесь ума одаренны свѣтомъ,
Въ темнотѣ вѣкъ бродите; не въ время прилѣжны,
Въ ненужномъ потѣете, а въ потребномъ лежни.
Коротокъ жизни предѣлъ, велики затѣи,
Своей сами тишинѣ глупые злодѣи,
Состоянїемъ своимъ всегда недовольны.
Купецъ, у кого амбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ въ покоѣ
И въ довольствѣ, вотъ не спитъ и мыслитъ иное,

Думая, какЪ бы ему сдѣлаться Судьею;
Куды де хорошо быть вЪ людяхЪ головою:
И чтятЪ тебя, и даютЪ, постою не знаешь;
Многоль малоль для себя всегда собираешь.,
СтавЪ судьею, ужЪ купцу не мало завидитЪ,
Когда по нещастію пусто вЪ мѣшкѣ видитЪ,
И слыша просителей у дверей вздыхати,
ДолженЪ вставать не выспавшись сЪ теплыя кровати.
Боже мой! говоритЪ онЪ, что я не посадской?
ЧортЪ бы взялЪ и чинЪ и честь, вЪ коихЪ животЪ адской.
Пахарь, соху ведучи, иль оброкЪ щитая,
Не однажды привздохнетЪ, слезы отирая:
За что-де меня ТворецЪ не сдѣлалЪ солдатомЪ?
Не ходилЪ бы вЪ сѣрякѣ, но вЪ платьѣ богатомЪ,
ЗналЪ бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для менябЪ свинья моя только поросилась,
СЪ коровы мнѣбЪ молоко, мнѣбЪ куря носилась;
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ
Понеси вЪ поклонЪ, а самЪ жирѣй на мякинѣ.
ПришолЪ поборЪ, пахаря вписали вЪ солдаты:
Не однажды дымные вспомнитЪ ужЪ палаты,
ПроклинаетЪ жизнь свою вЪ зеленомЪ кафтанѣ,
Десятью заплачетЪ вЪ день по сѣромЪ жупанѣ.
Толь не житье было мнѣ, говоритЪ, вЪ крестьянствѣ?
Правда, тогда не ходилЪ я вЪ такомЪ убранствѣ;
Да лѣтомЪ вЪ подклетѣ я, на печи зимою
СыпалЪ, вЪ дожжикЪ изЪ избы я вонЪ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкЪ Господину,
КакуюжЪ больше найду я тужить причину?
Щей горшокЪ, да самЪ большой, хозяинЪ я дома,
Хлѣба у меня чрезЪ годЪ, а скотамЪ солома.
Дальна ѣзда мнѣ была сЪѣздить вЪ торгЪ для соли,

Иль въ праздникъ пойти въ село, и то съ доброй воли:
А теперь, чортъ не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чѣмъ нѣту;
Ходи въ штанахъ, возися за ружьемъ по-стрѣлымъ,
И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
Ни выспаться некогда, часто нѣтъ, что кушать;
Наряжать мнѣ всё собой, а старыхъ слушать.
Чернецъ тотъ, кой день назадъ чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клабукѣ, и всяку работу
Къ церкви легку сказывалъ, прося со слезами,
Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ тотѣ чинами,
Сего дни не то поетъ, радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу:
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ быти,
Нѣтъ мочи ужъ Ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти.

Стихотворецъ сначала разсуждаетъ просто о непостоянствѣ человѣческихъ желаній, потомъ выводитъ на сцену самихъ недовольныхъ, и мысли его одушевлены прекрасною Драматическою сценою. Въ этомъ мѣстѣ подражалъ онъ Горацію (Сатир. I Кн. I). Вотъ нѣсколько *мыслей* о умѣренности и спокойствіи: вы подумаете, что съ вами бесѣдуетъ Горацій; но Кантемиръ почерпалъ свою Философію въ собственномъ своемъ сердцѣ:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжну.
Небольшой домъ на своемъ построенный полѣ
Даетъ нужное моей умѣренной волѣ;
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву.
Гдѣбъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣбъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провождать межъ мертвыми Греки и Латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
И учась знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно, иль любезно:
То одно желанія мои составляетъ.
Богатство, высокой чинъ, что въ очахъ блистаетъ
Предъ неискусной толпой, многія печали
Наноситъ и ищущимъ, и тѣмъ, кто достали.

Ктобъ не смѣялся тому, кой стежку жестоку
Топчетъ, лѣзя весь въ поту на гору высоку,
Коей вершина остра такъ, что осторожно
Сколь стопы ни утверждать, съ покоемъ не можно
Устоять, и всякой вѣтръ, кой дышетъ опасный,
Порываетъ бѣднаго въ стремнины ужасны?
Любочестный однако мужъ на него походитъ.
- - - - - - - - - - - - - - - - - - -
Еще, естьлибъ наша жизнь на два, на три вѣки
Тянулась, не столько бы глупы человѣки

IV. СМѢСЬ.

О Кіево-Межигорской фаянсовой фабрикѣ, и о Вышгородѣ.

Въ двадцати пяти верстахъ повыше Кіева, на прекрасномъ мѣстоположеніи между горами надъ Днѣпромъ, существуютъ остатки упраздненнаго монастыря Кіево-Межигорскаго. Онъ первоначально построенъ былъ, но въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста нынѣшней фабрики, ближе къ Кіеву, въ половинѣ двенадцатаго вѣка Андреемъ Георгіевичемъ Княземъ Вышгородскимъ, извѣстнымъ въ Исторіи подъ названіемъ Боголюбскаго. Въ 1239 году, при нашествіи Батыя, монастырь сей разрушенъ до основанія, и разбѣжавшіеся монахи скрывались долгое время въ лѣсахъ для спасенія своей жизни; потомъ собравшись, опять основали на другомъ уже мѣстѣ, между горами немного повыше прежняго, новую пустыню, и тѣмъ положили начало бывшему монастырю Межигорскому, которой въ 1529мъ году получивъ разныя привиллегіи, въ продолженіе времени пріобрѣлъ отъ щедрыхъ набожныхъ дателей изрядныя помѣстья. Около 1651 го года опять претерпѣлъ онъ разореніе отъ Литовскихъ войскъ, и потомъ отъ измѣнническихъ Гетмановъ Польскихъ Виговскаго и Тетери, а въ 1665мъ весь истребленъ пожаромъ; но щедростью Запорожскаго войска, за усер-

діе оказанное монахами въ продолженіе войны при Хмельницкомъ, опять устроенъ, а за претерпѣніе новыми помѣстьями Вышгородскими и самимъ Вышгородомъ пожалованъ.

Запорожцы толикое имѣли къ монастырю сему усердіе, что со всею Сѣчью называлясь его прихожанами, а Кошевый ктиторомъ до самаго упраздненія, которое послѣдовало 1786 года. Монастырскія зданія, въ послѣдовавшемъ 1787 году разрушенныя пожаромъ, оставались въ запустѣніи.

Князь Хованскій, бывшій вице-Губернаторомъ въ Кіевѣ, примѣтилъ, что глина близь города находящаяся можетъ быть употребляема для дѣланія фаянса. Поручивъ иностранцу Крайниху испытать сію глину, онъ представилъ образцы и пробы Императрицѣ Екатеринѣ. Но Ея Высочайшему соизволенію предположено было устроить фабрику въ Кіевѣ изъ городскихъ доходовъ. Но Магистратъ Кіевскій, признавая мѣсто, гдѣ найдена глина, неудобнымъ къ заведенію фабрики, просилъ объ отдачѣ городу упраздненнаго и погорѣвшаго монастыря Межигорскаго, которое по Высочайшему Указу 1798 го года Іюля 5 го и отдано Магистрату; тогда же приписано къ фабрикѣ 228 душъ крестьянъ изъ села Петровецъ и до 4000 десятинъ казеннаго лѣса. Магистратъ опредѣлилъ иностранца Крайниха главнымъ мастеромъ. По окончаніи строенія въ 1801 мъ году началась работа; но дѣйствіе фабрики было безуспѣшно и безполезно, потому что иностранецъ Крайнихъ имѣлъ незавидныя свѣдѣнія по сей части. На мѣсто иностранца Крайниха въ 1802 мъ году

опредѣленъ другой иностранецъ же Вымертъ; но и отъ сего было успѣха немного. Магистратъ по 1803 годъ употребивъ на фабрику болѣе *семидесяти двухъ тысячь* рублей, а отъ проданныхъ издѣлій получилъ токмо *тысячу триста* рублей; уже онъ терялъ надежду, чтобъ заведеніе сіе когда-либо могло принести пользу. Нынѣшній Гражданскій Губернаторъ, Г. Тайный Совѣтникъ Петръ Прокофіевичь Панкратьевъ, по прибытіи къ должности, осматривалъ изъ любопытства фабрику, и замѣтилъ, что долговременному ея неустройству было причиною худое магистратское управленіе. Онъ довелъ сіе до свѣдѣнія Министра внутреннихъ дѣлъ, по докладу коего фабрика въ 1803мъ году Высочайше ввѣрена Губернатору въ непосредственное его распоряженіе. Съ сего времени, отъ перемѣны мастеровъ, и особливо отъ попечительнѣйшаго за фабрикою смотрѣнія, начала она возникать, и доведена до такого совершенства, что ея издѣлія теперь уже равняются съ Англійскими и Голландскими. Когдажъ Господинъ Губернаторъ усмотрѣлъ, что фабрика день ото дня знатно поправлялась, то почелъ нужнымъ просить о прибавкѣ людей, достальныхъ изъ села Петровецъ съ деревнею Валками, въ чемъ и получилъ удовлетвореніе въ половинѣ истекшаго года. Теперь фабрика, имѣя болѣе четырехъ сотъ душъ крестьянъ, дѣйствуетъ на 80 ти станкахъ. Вмѣсто безполезныхъ иностранцовъ, она имѣетъ своихъ собственныхъ мастеровъ, Кіевскаго мѣщанина, и приписнаго крестьянина, и изъ тѣхъже крестьянъ нѣсколько искусныхъ подмастерьевъ. Издѣлія Межигорской фаянсовой фабрики такъ прославились, что покупаютъ ихъ въ обѣ наши столицы, и

даже изъ Константинополя пріѣзжали за ними. Фабрика еще не въ такомъ состояніи, чтобы количествомъ посуды могла удовлетворить всѣхъ покупателей; однакожь въ теченіи 1809 года вырученo около *сорока тысячь* рублей. И такъ фабрика сія за существованіе свое и усовершенствованіе обязана попечительному Господину Кіевскому Гражданскому Губернатору Панкратьеву. Ежели она и впредь такимъ же образомъ будетъ поддерживаема и управляема; то ручаться можно, что сіе полезное и необходимое заведеніе со временемъ составитъ значительную отрасль промышленности въ государствѣ, и городу приносить будетъ немаловажную прибыль. Графиня Браницкая учредила въ Богуславскихъ своихъ владѣніяхъ таковую же фабрику, по примѣру Межигорской. Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе помѣщики обратятъ вниманіе свое на сію важную часть промышленности.

Межигорская фабрика расположена надъ самымъ Днѣпромъ, на возвышенномъ мѣстѣ; съ пріѣзду обнесена каменною оградою. Каменная колокольня съ боевыми часами, каменная же большая церковь Преображенія Господня, монашескія кельи и другія зданія напоминаютъ собою прежнюю знаменитость монастыря Межигорскаго.

Между горами къ селенію Петровцамъ, при большомъ прудѣ, изобилующемъ рыбою, устроена плотинная мѣльница о двухъ поставахъ со ступотолочнями, необходимо нужными для фабрики. Тутъ же очень близко есть источникъ называемый *Звонки*. Онъ славится отмѣнно хорошею водою, съ каменистой горы

очень быстро текущею. Почти никто изъ путешествующихъ не оставляетъ сего источника безъ посѣщенія; многіе и нарочно къ оному пріѣзжаютъ, весьма одобряютъ воду сію, и даже приписываютъ ей цѣлебное свойство; а окрестные жители почитаютъ ее въ немощахъ своихъ единственнымъ лѣкарствомъ, и съ великимъ довѣріемъ оную употребляютъ. Въ бытность Государыни Императрицы Екатерины въ Кіевѣ, сія вода ежедневно была привозима къ Высочайшему двору для употребленія.

Отъ фабрики въ двухъ верстахъ къ сторонѣ Кіева надъ Днѣпромъ находится *Вышгородъ*, съ начала, какъ извѣстно по Исторіи, принадлежавшій великой Княгинѣ Ольгѣ, и потомъ бывшій удѣльнымъ Княжескимъ городомъ. Въ 1240мъ году, при нашествіи Батія, Вышгородъ былъ разрушенъ до основанія такъ что, кромѣ нѣкоторыхъ слѣдовъ каменнаго строенія, никакихъ знаковъ послѣ его не осталось. При заключеніи трактата съ Польшею въ 1686 году Вышгородъ состоялъ только изъ девяти дворовъ и одной опустѣлой церкви. Нынѣшняя деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба стоитъ на мѣстѣ прежде-бывшей каменной, въ которой при Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ 1115 году положены были мощи сихъ Мучениковъ. Сказываютъ, что священные остатки ихъ почиваютъ на томъ же мѣстѣ подъ спудомъ со времени опустошеній, причиненныхъ Батыемъ.

N. N.

Московскія записки.

Давно уже публика скучала, невидя *Семейства старичковыхъ*, прекрасной драмы г-на. Иванова. Сперва находили въ ней одно только достоинство, что содержаніе взято изъ истиннаго произшествія, которое у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Драму представили десять, двадцать разъ, и зрители всегда смотрѣли ее почти съ равнымъ удовольствіемъ. Итакъ *Семейство старичковыхъ* имѣетъ не одно сіе, но и другія достоинства. Кого не трогаютъ многія находящіяся въ ней разительныя положенія? Кто можетъ слушать безъ восторга и слезъ, когда старой воинъ произноситъ имя *непобѣдимаго* Суворова? Какое сердце не наполняется сладостнымъ умиленіемъ, когда губернаторъ читаетъ указъ милосердаго Монарха объ изливаемыхъ благодѣяніяхъ на семейство вѣрнаго сына отечества? Сія драма представлена была нынѣшнею зимою два раза, и въ послѣдній за нею слѣдовалъ *Гостинной дворъ*, извѣстная *Русская* опера, вырытая изъ кучи драматическихъ сочиненій, съ давняго времени здѣсь неигранныхъ. Достопамятное сіе зрѣлище дано было въ пользу г-на и г-жи Сандуновыхъ. Мы должны сохранить *для потомства* необычайное произшествіе, случившееся въ послѣднее представленіе *Семейства старичковыхъ*.

Прежде начатія драмы г. Зловъ объявилъ собравшимся зрителямъ, что обѣщанная *новая* драма *Клодомира, или Жрица Ирменсюлева храма*, представлена быть не можетъ за болѣзнію актера Кондакова. Въ ту минуту раздалися звуки свистковъ изъ райка и пар-

тера. Не всякой могъ отгадать, на кого падало неудовольствіе доброхотныхъ освистывателей. Загадка скоро объяснилась. При появленіи г-на Сандунова, звуки свистковъ опять раздалися съ разныхъ сторонъ, къ удивленію благомыслящихъ зрителей, ненавидящихъ своевольства и собравшихся провести вечеръ съ удовольствіемъ. Г. Сандуновъ кладетъ на землю рукавицы свои, картузъ и палку, выступаетъ впередъ, и говоритъ слова, слѣдующій смыслъ въ себѣ заключающія: „Почтеннѣйшая Публика! ежели тридцатилѣтніе труды, при всегдашнемъ ободреніи безпристрастныхъ зрителей, нынѣ вознаграждены такимъ образомъ; то какая надежда остается для тѣхъ молодыхъ артистовъ, которые пожелали бы дѣйствовать на столь опасномъ поприщѣ, на которомъ я и жена моя терпимъ униженіе сколько нечаянное, столько и незаслуженное!“ Г. Сандуновъ говорилъ съ чувствомъ человѣка огорченнаго; доказывалъ невинность свою, въ отмѣнѣ объявленной драмы; упоминалъ о болѣзни актера; представлялъ, что не въ его волѣ состояло исполнить обѣщаніе и предувѣдомить о сдѣланныхъ вновь распоряженіяхъ. „Пылкость, съ какою излились слова мои — продолжалъ г-нъ Сандуновъ — не есть слѣдствіе одной только раздраженной чувствительности; нѣтъ, это отголосокъ и обманувшейся надежды. Въ одну минуту лишился всегдашняго, въ продолженіе тридцати лѣтъ пріобрѣтеннаго, благоволенія почтеннѣйшей Публики! потерять вниманіе Партера . . .“ Тутъ повторилъ онъ нѣсколько стиховъ, читанныхъ лѣтъ за двадцать передъ симъ, когда *прощался* онъ съ С. Петербургскою публикою, и въ заключеніе просилъ дозволенія докончить

роль свою. Послѣ всего г-нъ Сандуновъ съ удивительнымъ равнодушіемъ опять беретъ рукавицы, картузъ и палку, и начинаетъ свое дѣло: *о чемъ призадумался любезной.* — Изъ словъ г-на Сандунова надлежало заключить, что онъ играетъ въ послѣдній разъ; а судя по дѣйствію его, можно было думать, что онъ теперь только одушевился страстію къ своему искусству — такъ хорошо сыгралъ онъ *Обиралова!* Г-жа Сандунова, какъ женщина, не имѣла подобной твердости, когда явилась въ оперѣ.

Не наше дѣло говорить о причинахъ неустойки, въ которой обвиняютъ г-на Сандунова; но кажется дозволено всякому про себя подумать: какихъ ожидать слѣдствій для *изящнаго* театральнаго искусства, если бы напримѣръ нѣсколько шалуновъ, пришедши въ театръ съ готовыми свистками, всегда почитали себя въ правѣ, по наущенію или по злобѣ или отъ праздности, оскорблять честнаго и полезнаго гражданина передъ цѣлою публикою? Вообще никто не отважится сказать въ слухъ: такой-то судья покривилъ душею въ дѣлѣ господина N. N.; такой-то офицеръ не заплатилъ обывателямъ прогонныхъ денегъ за подводы, взятыя имъ для больныхъ рекрутъ. Хотяжь и не запрещается напечатать въ журналѣ, что въ стихахъ Вралева нѣтъ смыслу, или что Шутовъ сочиняетъ книги не зная грамматики; но Вралевъ и Шутовъ, если бъ имъ только захотѣлось, могутъ оправдаться передъ публикою, и сказать своимъ критикамъ, что они сами ничего несмыслятъ. А на свистки неизвѣстныхъ шалуновъ и забіякъ (предположимъ, что свистали бы только шалуны) кому отвѣчать? Разносится молва по го-

роду, что такой-то актерЪ освистанЪ — и все тутЪ! Господа свистуны будутЪ всегда правы; имЪ какая нужда, что здравомыслящіе любители изящнаго искусства и дарованій примутЪ вЪ чувствѣ обиды хорошаго Актера участіе, и вознегодуютЪ противЪ буйства, болѣе приличнаго площаднымЪ гаерскимЪ позорищамЪ, нежели собранію людей благородныхЪ и благовоспитанныхЪ! Лишась г-на и г-жи СандуновыхЪ, просвѣщенная публика скоро почувствуетЪ важную свою потерю; но господа свистуны, приходящіе изЪ ветошнаго ряду или сЪ толкучаго рынку, ни мало о томЪ безпокоиться не будутЪ. ИмЪ предлежитЪ обширное поле удовольствій; вЪ масленицу на МоскворѣцкомЪ льду, на святой подЪ НовинскимЪ они найдутЪ себѣ забаву, и такЪ же повеселятся, какЪ и вЪ ИмператорскомЪ Театрѣ.

Письмо къ Издателямъ.

ВЪ Москвѣ есть два необыкновенно нещастныя семейства. *Одно* Полковника И — на, которой, на смертномЪ одрѣ, не имѣетЪ ни малѣйшаго средства кЪ доставленію пропитанія женѣ и малолѣтнымЪ дѣтямЪ своимЪ; *другое* Поручицы Ч — й, которая находится вЪ такомЪ же точно положеніи.

Цѣль письма моего вамЪ извѣстна. СимЪ нещастнымЪ нужно пособіе. Убѣждать людей кЪ благотворительности — значитЪ оскорблять ихЪ.

Полная довѣренность кЪ состраданію любезныхЪ согражданЪ моихЪ, многими опытами доказанному, такова, что мнѣ остается желать только того, чтобЪ намѣреніе мое имѣ-

до успѣхъ, подобной письму изъ *Почепа*, и другимъ, въ Вѣстникѣ Европы помѣщеннымъ; въ таком, отъ всего сердца моего желаемомъ случаѣ, вотъ адресъ для доставленія тѣхъ пожертвованій, которыя могутъ быть присылаемы въ пользу сихъ нещастныхъ:

„Въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, подлѣ „дома Благороднаго собранія, Его Высокоблаго„родію, Николаю Михайловичу Юрьеву, въ соб„ственномъ его домѣ."

Я увѣренъ, что симъ предложеніемъ доставлю вамъ удовольствіе — сдѣлать доброе дѣло и, какъ Журналистамъ, средство доказать пріятную истину: что въ просвѣщенномъ обществѣ всякое произведеніе ума должно имѣть цѣлію — *пользу человѣчества.* Остаюсь и *проч.*

Ѳ. Ф.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

На одномъ изъ кораблей, плывшихъ изъ Або въ Ревель прошедшаго лѣта и захваченныхъ Англичанами, находились нѣкоторыя земледѣльческія орудія, принадлежащія Естляндскому обществу земледѣлія. Съ дозволенія Военнаго Губернатора и чрезъ его посредство господинъ Коцебу написалъ къ Англійскому Адмиралу письмо на Французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь! тотъ, кто имѣетъ честь нынѣ писать къ вамъ, есть мирный сельскій житель и почитатель Музъ, которыя иногда надѣляютъ его своими дарами. Церера и Музы не имѣютъ никакого дѣла съ Марсомъ. Для Естляндскаго общества земле-

дѣлія, котораго имѣю честь быть секретаремъ, не задолго передъ симъ выписалъ я изъ Финляндіи нѣсколько земледѣльческихъ орудій; оныя везены были на суднѣ, принадлежащемъ господину предсѣдателю общества Графу Штенбоку. Судно перехвачено вашими крейсерами. Англичане, учители наши въ земледѣліи, конечно не захотятъ вести войну противъ сего благодѣтельнаго искусства. Мнѣ, какъ сочинителю *Ненависти къ людямъ и раскаянія*, *Пизарра* и нѣкоторыхъ другихъ театральныхъ представленій, удавалось много разъ доставлять удовольствіе Англичанамъ; симъ надѣюся, что теперь въ свою очередь могу и отъ нихъ получить удовольствіе, ежели Ваше Превосходительство прикажете возвратить оныя бездѣлки, для меня только имѣющія свою цѣну. А чтобы матросы не лишились участка своего въ добычѣ, я готовъ заплатить имъ сумму, какую вамъ угодно будетъ назначить. Имѣю честь быть" *и проч.*

Въ отвѣтъ господинъ Коцебу получилъ слѣдующее письмо на Англійскомъ языкѣ, съ корабля Викторіи при островѣ Наріенѣ отъ 14 Августа 1809:

„Милостивой Государь! позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я съ превеликимъ удовольствіемъ употреблю все стараніе свое о возвратѣ вамъ земледѣльческихъ орудій, которыя, какъ вы увѣдомляете, захвачены крейсерами, состоящими подъ моимъ начальствомъ. Теперь же напишу о томъ въ Швецію, ибо думаю что судно туда отведено. Между тѣмъ прошу васъ увѣдомить меня объ имени судна и о прочихъ касающихся до сего дѣла подробностяхъ. Я почту для себя превеликою наградою (the highest gratification) оказавъ малую

сію услугу такому мужу, которой старается быть полезнымъ для человѣческаго рода, и которому соотечественники мои очень много одолжены за его хорошія сочиненія. Есмь" *и проч.* подписано: *Сомарецъ, Вице-адмиралъ.*

Г. Коцебу напечаталъ сіи письма въ Нѣмецкихъ листкахъ, единственно для того чтобы уличить какого-то своего недоброхота, которой объявляя о семъ произшествіи, представилъ его въ другомъ видѣ, и неупомянулъ даже, что Г. Коцебу писалъ къ непріятельскому Адмиралу по *дозволенію* и чрезъ *посредство* начальства.

*

Дѣти о двухъ головахъ не почитаются въ Парижѣ рѣдкостію. Тамъ почти ежегодно случается видать новорожденныхъ уродцовъ съ двумя головами, сидящими рядомъ одна подлѣ другой на туловищѣ. Въ *Медицинскомъ журналѣ* 1808 года упоминается о весьма странномъ и рѣдкомъ произведеніи натуры — о дитяти, у котораго къ одной головѣ приросла на верху другая. Оно родилось въ Бенгалахъ. Повивальная бабка, увидѣвши сіе чудовище, отъ страха подумала, что держитъ на рукахъ самаго дьявола и бросила его въ пламя. Отъ сего приключенія глаза и уши нѣсколько повредились у младенца. Туловище его имѣло правильное образованіе; на верху головы находилась другая равной величины и почти сходная видомъ съ первою, но въ обратномъ положеніи, то есть челомъ къ низу а подбородкомъ вверхъ; изъ подбородка вышла шея, которая оканчивалась наростомъ большимъ, круглымъ и жесткимъ. По прошествіи шести мѣсяцовъ на обѣихъ головахъ выросли черные волосы, почти въ равномъ ко-

личествѣ. Замѣчено, что глаза верхней головы имѣли собственное свое движеніе, независящее отъ глазъ головы нижней. Вѣки верхней головы часто закрывались, когда у нижней свои были открыты, и на оборотъ. Уши имѣли образованіе несовершенное; недоставало слуховаго прохода. Нижняя челюсть была менѣе обыкновенной, однакожъ двигалась; языкъ плоской, и также малой, крѣпко приросъ къ нижней челюсти. Мускулы на лицѣ дѣйствовали; вся голова была очень чувствительна; чтобы въ томъ увѣриться, надлежало только пощекотать младенца, или положить въ ротъ ему палецъ. Когда мать кормила его грудью, то губы другой головы двигались, какъ будтобы и онѣ сосать хотѣли. — Г. Стакъ, жившій въ Бенгалахъ, самъ видѣлъ сего ребенка совершенно здороваго и имѣвшаго тогда около двухъ лѣтъ отъ роду. Когда нижняя голова сосала молоко, то на устахъ верхней примѣтны были знаки удовольствія. Дѣйствіе улыбки нижней головы разпространялось на верхнюю; но болѣзненнаго ощущенія примѣтно не было, и ущипнувши верхнюю голову не льзя было видѣть, чтобы нижняя чувствовала отъ того непріятность. Дитя было мужескаго пола; оно умерло на четвертомъ году. Тѣло его прислано въ Европу и тщательно разсмотрѣно. Въ *Медицинскомъ журналѣ* помѣщено анатомическое описаніе сего необыкновеннаго урода.

*

Норбергъ, Профессоръ восточныхъ языковъ, человѣкъ неутомимаго трудолюбія, за тридцать лѣтъ передъ симъ предпринималъ путешествіе въ Константинополь, черезъ Францію и Италію. Возвратясь оттуда вы-

далъ онъ многія ученыя разсужденія касательно восточныхъ языковъ. Бывши въ Парижѣ, Норбергъ нашелъ въ тогдашней Королевской библіотекѣ одну книгу, написанную такими буквами, которыя были ему совсѣмъ неизвѣстны. Желая узнать содержаніе оной, и надѣясь получить о ней свѣдѣніе чрезъ Ассемана въ Италіи, или чрезъ кого-либо на востокѣ, онъ не полѣнился переписать всю рукопись, болѣе нежели изъ 300 страницъ состоящую. Но Ассеманъ не былъ въ силахъ удовлетворить его любопытству. Въ Константинополѣ нашелъ Норбергъ одного ученаго Маронита, отъ котораго увѣдомился, что книга написана на Галилейскомъ языкѣ, бывшемъ въ употребленіи у того народа, среди коего Іисусъ Христосъ прожилъ не мало времени. Галилеяне уже около 150 лѣтъ обитаютъ на горѣ Ливанѣ. Извѣстія о вѣрѣ ихъ, языкѣ и письмѣ помѣщены въ описаніи Норбергова путешествія и въ особомъ разсужденіи, за которое Норбергъ 1782 года принятъ въ члены Геттингенскаго ученаго общества. Норбергъ десять лѣтъ употребилъ на разбираніе Галилейской рукописи, и составилъ по ней словарь и грамматику. Въ ней содержатся многія важныя свѣдѣнія о восточной философіи вѣка Христова; онѣ могутъ послужить къ дополненію церковной исторіи. Книга сія переведена на Латинскій языкъ самимъ Норбергомъ, которой намѣренъ издать ее въ свѣтъ на обоихъ языкахъ и употребить Сирійскія буквы за неимѣніемъ Галилейскихъ. Остановка теперь за предпріимчивымъ издателемъ, которой взялъ бы на свой страхъ типографскія издержки. — Съ нѣкотораго времени Норбергъ трудится надъ сочиненіемъ, въ которомъ хочетъ дока-

зать, что Греческій языкъ происходитъ отъ Еврейскаго и другихъ восточныхъ языковъ.

*

Число Датскихъ морскихъ офицеровъ, въ дѣйствительной службѣ нынѣ находящихся, есть слѣдующее: 1 Адмиралъ, 2 Вице-Адмирала, 8 Контръ-Адмираловъ, 4 Коммандора, 15 Капитанъ-Коммандоровъ, 28 Капитановъ, 31 Капитанъ Лейтенантъ, 64 старшихъ Лейтенантовъ и 63 младшихъ. При морскомъ наборѣ и лоцманскомъ вѣдомствѣ: 1 Контръ-Адмиралъ, 7 Коммандоровъ, 2 Капитанъ-Коммандора и 6 Капитановъ. Морской кадетской корпусъ состоитъ изъ 16 кадетовъ, получающихъ по 100 реихсталеровъ жалованья, изъ 48 получающихъ по 50 рейхст., изъ 7 неимѣющихъ жалованья и изъ одного экстраординарнаго.

*

Съ 1804 года до заключенія Вѣнскаго мира, считая съ пожертвованіями сего послѣдняго договора, Австрія потеряла 3188 географическихъ миль земли и 5,978,536 подданныхъ.

При сей книжкѣ приложено изображеніе памятника, воздвигнутаго въ Молдавіи на мѣстѣ кончины Князя Потемкина Таврическаго. Извѣстно, что сей военачальникъ умеръ близъ большой дороги не доѣхавши до Яссъ, въ тридцати верстахъ отъ сего столичнаго города. Памятникъ окруженъ высокими горами и вдали лѣсомъ. Рисунокъ взятъ изъ *Путешествія въ Молдавію, Валахію и Сербію* Д. Банышъ-Каменскаго. Книга сія печатается.

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІИ.

Франція.

Произведено слѣдствіе надъ Контръ-Адмираломъ Дюмануаромъ, которой имѣлъ подъ своимъ начальствомъ авангардъ Французскаго флота во время Трафальгарскаго сраженія. Найдено, что сей Контръ-Адміралъ виноватъ не въ потерѣ всего сраженія, а только четырехъ кораблей линейныхъ, взятыхъ непріятелемъ по окончаніи дѣла. — Многіе адъютанты Князя Невшательскаго отправились въ Мадритъ. Герцогъ Абрантесъ также уѣхалъ къ своему корпусу, котораго первая колонна теперь уже въ Испаніи. Думали, что самъ Императоръ предприметъ туда путь въ половинѣ Февраля мѣсяца.

Голландія.

Островъ Валхеренъ присоединенъ къ Французской Имперіи. Дивизіонный Генералъ Жилли въ прокламаціи своей къ жителямъ, обьявивъ о томъ волю Императора Наполеона, совѣтуетъ имъ прекратить всѣ торговыя сношенія съ народомъ враждебнымъ. „Отнынѣ всякое сообщеніе съ Англичанами сочтено будетъ преступленіемъ; да какъ и могли вы имѣть оное съ такими людьми, которые на нѣсколько недѣль вступили въ область вашу только для того, чтобы распространять пламя и опустошеніе и при самомъ даже своемъ бѣгствѣ", сказано между прочимъ въ прокламаціи.

Испанія.

По взятіи Французскимъ войскомъ крѣпости Жироны сообщеніе между Перпиньякомъ

Барцеллоною сдѣлалось безопаснымъ. — Между членами Севильской Юнты господствуютъ нынѣ величайшія несогласія, а мятежники, слыша о скоромъ прибытіи Императора Наполеона въ Испанію, терзаются мучительнымъ страхомъ. Король Іосифъ выслалъ уже депутацію для встрѣчи Императора.

Ганзеатическіе города.

Въ Гамбургѣ извѣстно, что по содержанію подписаннаго въ Парижѣ мирнаго договора Швеція получитъ обратно Померанію, что вся недоплаченная жителями Помераніи контрибуція прощается, и что пожалованныя Императоромъ Наполеономъ помѣстья принадлежатъ должны новымъ своимъ владѣльцамъ. Въ миръ сей включены Испанія, Голландія, Неаполь и всѣ области Рейнскаго союза. Швеція приступаетъ къ системѣ союзныхъ государствъ на твердой землѣ и отрекается отъ торговли съ Англіею; можетъ однако жь привозить соль изъ всѣхъ странъ свѣта. Всѣ, по возшествіи на престолъ Карла XIII, взятые или секвестрованные Шведскіе корабли или грузы, только за исключеніемъ колоніальныхъ товаровъ, должны быть обратно отданы. Императоръ Наполеонъ ручается за цѣлость нынѣшняго пространства Швеціи. Торговыя сношенія между Франціею и Швеціею возобновляются по прежнему; военноплѣнные возвращаются безъ всякаго выкупа. — Графъ Готторпскій, по пятидневномъ пребываніи въ Гамбургѣ, отправился черезъ Ганноверъ и Кассель въ Карлсруге, а оттуда поѣдетъ въ Швейцарію.

Австрія.

Въ Вѣнѣ дипломатическій корпусъ нынѣ составляютъ слѣдующія особы: Графъ Фик-

кенштейнъ, Королевско-Прусскій посланникъ; Баронъ Миллеръ, повѣренный въ дѣлахъ отъ Швейцаріи; господинъ Ниссенъ, повѣренный въ дѣлахъ Даніи; Графъ Берольдингенъ опять прибудетъ туда посланникомъ отъ Короля Виртембергскаго, а Графа Отто ожидали въ качествѣ посланника Французскаго. Прочіе Министры Рейнскаго союза не получили еще вѣрющихъ грамотъ. — Въ Богемско-Австрійской придворной Канцелляріи уничтожены департаменты: Крайнъ, Герцъ, Тріестъ и Зальцбургъ, по причинѣ уступки сихъ земель за силою послѣдняго Вѣнскаго трактата. Департаментъ Вышне - Енской Австріи соединенъ будетъ съ департаментомъ Австрійскимъ. Военный департаментъ также уничтоженъ, а потому многіе чиновники уволены отъ службы съ пенсіонами. Равномѣрно ожидаютъ уменьшенія числа людей, служащихъ въ Придворномъ Военномъ Совѣтѣ и въ Гофъ-Интендантской Конторѣ.

Англія.

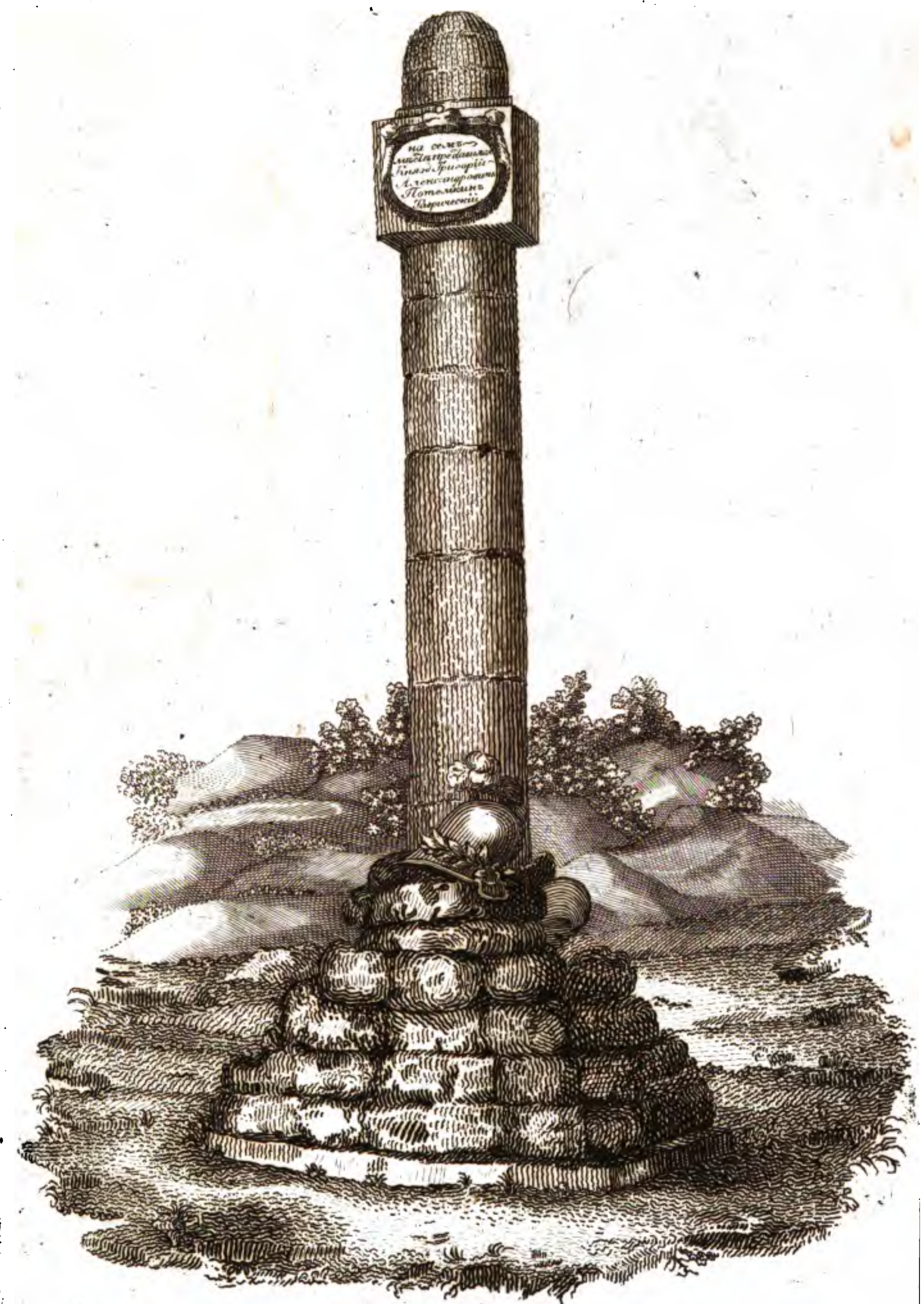
Между Англійскимъ правительствомъ и Сѣверо-Американскою Республикою продолжаются несогласія. Теперешній разрывъ можно почесть разрывомъ не между Америкою и Англіею, но между Американскимъ правительствомъ и Англійскимъ посланникомъ г-мъ Жаксономъ; ибо Президентъ Маддиссонъ въ посланіи своемъ къ Конгрессу говоритъ, что онъ готовъ принять предложенія, когда оныя учинены будутъ чрезъ другаго Министра. — Давно уже запрещенъ торгъ Неграми; но нѣкоторые догадливые промышленники выдумали средство избѣгнуть строгости законовъ. Они учредили въ Гаваннѣ заведеніе и

производятъ сію торговлю подъ Испанскимъ флагомъ. — Въ Остъ-Индійскихъ владѣніяхъ господствуютъ безпорядки. Правительство посылаетъ туда новаго Генералъ-Губернатора. Если жребій падетъ, какъ думаютъ, на Графа Мойру; то надѣяться можно, что сей достойный вельможа возстановитъ тамъ спокойствіе.

Швеція.

Въ Швеціи установленъ теперь новой порядокъ наслѣдованія престола, которое принадлежать будетъ мужескому только потомству наслѣднаго Принца. Извѣстно, что сіе новое распоряженіе совсѣмъ противно бывшему доселѣ въ Швеціи обыкновенію. Королева Христина наслѣдовала престолъ по отцѣ своемъ Густавѣ Адольфѣ, а преемникъ ея Карлъ IX былъ племянникъ его съ сестриной стороны; Улрика Елеонора, сестра Карла XII, доставила супругу своему Фридриху Гессенскому Шведскую корону. Нынѣшній домъ Королевскій происходитъ отъ старшей сестры Карла XII. Наслѣдный Принцъ принялъ на себя имя, вмѣсто Христіана Августа, Карла Августа. Во время присяги Его Высочества, Король произнесъ рѣчь, по окончаніи которой Принцъ, преклонивъ колѣна и положа руку на Евангеліе, прочиталъ клятвенное обѣщаніе; потомъ и самъ произнесъ краткую рѣчь, и принималъ присягу отъ Чиновъ государственныхъ. — Въ послѣдніе два года ни государственные долги, ни проценты за нихъ уплачиваемы не были; отъ того долги сіи нынѣ возрасли до 40 милліоновъ.

3 Марта.

Памятникъ воздвигнутый на мѣстѣ преставленія Князя Потемкина Таврическаго въ Молдавіи.

тому подобное. Ежемѣсячно, какъ и прежде, будетъ выходить по двѣ книжки: одна въ первыхъ числахъ, другая въ послѣдней половинѣ каждаго мѣсяца.

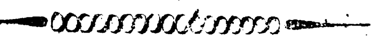
Прося нашихъ Читателей сообщать намъ свои произведенія въ стихахъ и прозѣ, мы предоставляемъ себѣ полное право печатать ихъ только тогда, когда онѣ по своему содержанію будутъ соотвѣтствовать плану издаваемаго нами Журнала; но мы не беремъ на себя затруднительной обязанности давать отчетъ въ ихъ употребленіи, и — если что нибудь не позволитъ ихъ помѣстить въ Журналѣ — пересылать обратно къ тѣмъ, отъ которыхъ онѣ будутъ къ намъ доставлены.

Мы положили себѣ за правило: оставлять безъ исполненія письма, получаемыя отъ особъ скрывающихъ имена свои, — кромѣ только тѣхъ, при коихъ присылаются деньги отъ неизвѣстныхъ Благотворителей для доставленія нуждающимся.

Нѣкоторые изъ нашихъ субскрибентовъ изъявили намъ свое неудовольствіе, и даже въ самыхъ грозныхъ выраженіяхъ, за то что имъ иныя книжки не были доставлены, а другія были доставлены поздно: для избѣжанія такой непріятности впередъ, просимъ ихъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ адресовать свои требованія не къ Издателямъ, отъ которыхъ *пересылка* Вѣстника совсѣмъ не зависитъ, но или въ Почтамты, или въ Контору Университетской Типографіи.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ Университетской Типографіи, на Тверской улицѣ, и въ Почтамтахъ. Цѣна за 24 книжки, составляющія годовое Изданіе, 12 рублей, а съ пересылкою въ другіе города 15 рублей.

К. и Ж.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Письмо Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Егора Борисовича Фукса. - 3

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Мизантропа. 20
Хлоѣ сочинительницѣ. - 32
Къ * * * - - - 33

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

ЭСТЕТИКА.

О достоинствѣ древнихъ и новыхъ писателей. - 37

III. КРИТИКА.

Критическій разборъ Кантемировыхъ Сатиръ. - 42

IV. СМѢСЬ.

О Кіево-Межигорской фаянсовой фабрикѣ, и о Вышгородѣ. - - - - 62
Московскія записки. - 67
Письмо къ Издателямъ. - 70
Разныя извѣстія и замѣчанія. 71

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ. 77

5 руб.

